

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ

И.М. Савельева, А.В. Полетаев

**СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ
О ПРОШЛОМ: ИСТОЧНИКИ
И РЕПРЕЗЕНТАЦИИ**

Препринт WP6/2005/02

Серия WP6

Гуманитарные исследования ИГИТИ

Москва
ГУ ВШЭ
2005

УДК 316.74
ББК 60.56
С 12

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках проекта “Репрезентация прошлого как социоинтегративный фактор” (грант № 03-01-00016а).

Савельева И.М., Полетаев А.В. Социальные представления о прошлом: источники и репрезентации: Препринт WP6/2005/02. — М.: ГУ ВШЭ, 2005. — 52 с.

В статье анализируются два класса источников, характеризующих массовые исторические представления: те, на основании которых эти представления формируются, и те, которые позволяют судить о содержании обыденного знания о прошлом.

Анализ имеющихся эмпирических данных позволяет сделать вывод о том, что представления о прошлом политической и социально-экономической подсистем структурируются на трех уровнях: значимых исторических периодов, исторических событий и исторических личностей. При этом имеющиеся источники не позволяют пока судить об обыденном знании о прошлом в сколько-нибудь полном объеме. Речь может идти лишь о выявлении неких наиболее явных “опорных точек”, образующих, условно говоря, видимые “надводные вершины” социальных (массовых) представлений.

УДК 316.74
ББК 60.56

Savelieva I., Poletayev A. Social Knowledge about the Past: Historical Records and Representations: working paper WP/2005/01. — Moskow: State University — Higher School of Economics, 2005. — 52 p. (in Russian).

The article presents the attempt to generalize characteristics of ordinary knowledge about the past using two kinds of historical records. The first class constitute different types of sources (including places of memory) which determine ordinary knowledge, the second — representations of social beliefs about the past (memoirs and public-opinion polls). The analysis of available empirical data leads to the conclusion that ordinary knowledge about the past may be represented as three levels structure: meaningful periods in history, important historical events and the great names of history. But in any case the available data bear only well-marked traces of social representations.

Препринты ГУ ВШЭ размещаются на сайте <http://www.hse.ru/science/preprint/>

©И.М. Савельева, 2005
©А.В. Полетаев, 2005
©Оформление. ГУ ВШЭ, 2005

Данная работа продолжает тему статьи “Социальные представления о прошлом”, опубликованной в препринте серии “Гуманитарные исследования” ИГИТИ — ГУ ВШЭ¹. Здесь мы анализируем два класса источников, характеризующих массовые исторические представления: те, на основании которых эти представления формируются, и те, которые позволяют судить о содержании обыденного знания о прошлом.

1. Источники формирования знаний о прошлом

Изучение источников формирования обыденных знаний о прошлом во многом опирается на методы культурной антропологии, которая ввела в арсенал современной науки новые способы исследования социальных представлений и привлекла внимание к формам их “бытования”. Культурно-антропологический подход и методика исследований позволяют вовлечь в сферу анализа традиции, ритуалы, фольклор и вообще любое коллективное творчество. Благодаря этому, в частности, в последние десятилетия применительно к современным обществам начали активно разрабатываться такие темы, как “символика праздников”, “устная история”, “семейная память” и т. д. Важным направлением исследований стала и своего рода “топосемантика”, связанная с изучением “мест памяти”: природных и искусственных пространственных объектов, напоминающих или символизирующих прошлое и поддерживающих культурную преемственность.

К сожалению, наблюдаемый в последние десятилетия бум такого рода исследований часто сопровождается перехлестами, когда характеристики и механизмы социокультурного взаимодействия и социальных представлений примитивных культур без особых корректировок переносятся на современное общество, характеризующееся гораздо более сложной социальной структурой, формами коммуникации и системой знания.

Характер и относительную роль основных источников формирования обыденных знаний о прошлом в современном обществе характеризуют результаты опросов взрослого населения России, проводившихся Социологическим центром РАГС (табл. 1).

¹ Савельева И.М., Полетаев А.В. Социальные представления о прошлом: типы и механизмы формирования // Гуманитарные исследования ИГИТИ. М.: ГУ ВШЭ, 2004. Вып. 7.

Таблица 1. *РФ: Из каких источников Вы получили знания по истории России? (выбор из списка, возможно несколько вариантов ответа, % опрошенных)*

Источники знаний	2001 г.	2003 г.
Учебники	70	77
Музеи и экскурсии	31	36
Специальная историческая литература	24	23
Кинофильмы	60	70
Телепередачи	55	66
Радиопередачи	20	24
Журналы и газеты	41	45
Мемуары, художественная литература	43	43
Рассказы людей старшего поколения	31	35
Семейные архивы	5	6
Другое	2	3

Источник: опросы Социологического центра РАГС, РФ, 2001 г. N = 2400; 2003 г. N = 1950; http://www.rags.ru/s_center/opros/istoriya/opros.shtml; http://www.rags.ru/s_center/opros/25.02.2003/index.htm.

Данные табл. 1 свидетельствуют о том, что формально большинство населения когда-то получило информацию о прошлом из учебников (в рамках всеобщего школьного образования) и считает этот источник самым значимым, но фактически основными текущими источниками являются кино и телевидение, затем следуют популярные и художественные печатные издания, потом — музеи, экскурсии и устные рассказы, и наконец — радио и специальная историческая литература.

Возможны разные подходы к классификации источников формирования обыденного знания о прошлом — один из них представлен в приведенной выше табл. 1, где мы условно разделили их на четыре группы: научные и научно-популярные источники; аудиовизуальные; массовые и художественные печатные издания; устные и семейные источники. Другой подход был предложен французским историком П. Нора в виде классификации “мест памяти”, среди которых он выделяет:

- топографические места (архивы, библиотеки и музеи);
- монументальные места (кладбища и архитектурные сооружения);
- символические места (коммеморативные церемонии, паломничества, юбилеи);

- функциональные места (учебники, автобиографии и мемуары)².

Все эти функционалы действительно в той или иной степени находятся в коллективном использовании (у нас язык не поворачивается называть учебники и пр. “местами”, тем более “общего пользования”). Однако далеко не все из них выступают в качестве источников формирования массовых или обыденных представлений о прошлом (например, архивы). Кроме того, эта типология, с одной стороны, ориентирована на современное общество, с другой — не учитывает целый ряд наиболее популярных ныне “мест памяти”, например, кинотеатров, а также кресел, стоящих перед домашними телевизорами.

В нашем исследовании мы выделим три основных типа источников формирования социальных (массовых, обыденных) представлений (знаний) о прошлом: устные, визуальные и письменные. Понятно, что существует целый ряд смешанных форм, прежде всего аудиовизуальных, но в качестве первого приближения мы будем исходить из предложенного деления.

Устные источники

Устные источники необычайно разнообразны — речь идет о различных мифах, легендах, преданиях, эпосах и т. д., в течение многих тысячелетий являвшихся основным “поставщиком” обыденного знания о прошлом. К сожалению, только в рамках прямых этнологических наблюдений, которые на серьезном научном уровне проводятся лишь со второй половины XIX в., можно делать какие-либо выводы (и то достаточно условные) о роли этих устных источников в формировании обыденных представлений о прошлом.

В принципе, различные мифы, легенды, предания и т. д. начали довольно рано фиксироваться в письменном виде. Так, самая ранняя из дошедших до нас версий записи аккадского эпоса о Гильгамеше относится к первой четверти 2 тыс. до н. э.³ Однако обычно историкам очень мало известно об ареале распространения и степени популярности того или иного повествования о прошлом, а также о том, в какой мере письменная запись отражает устную традицию, в частности, какова была творческая роль автора записи. Здесь возможны лишь косвенные оценки, основанные, например, на наличии разных вариантов записей, сделанных разными людьми, в разное время и в разных местах.

² Цит. по: Le Goff J. *History and Memory*. N.Y.: Columbia University Press, 1992 [1981/1988]. P. 95—96.

³ Согласно современным представлениям, Гильгамеш — реальное историческое лицо, предположительно пятый правитель I династии города Урука в Шумере, конец XXVII — начало XXVI в. до н.э. Легенды о Гильгамеше существуют как в собственно шумерском, так и в аккадском эпосе. Поскольку аккадские тексты сохранились в более полном виде, обычно используется аккадское имя Гильгамеш; шумерский вариант, по-видимому, восходит к форме Бильга-мес, что, возможно, значит “предок-герой” (Мифы народов мира. Энциклопедия / Ред. С.А. Токарев. В 2-х т. М.: Советская энциклопедия, 1980. Т. 1. С. 302).

Подчеркнем еще раз тот факт, что ко всевозможным легендам, преданиям и эпосам следует подходить лишь как к потенциальному источнику формирования обыденных представлений о прошлом, а не как к источнику сведений о самих этих представлениях. Как отмечал Б. Малиновский,

“...Мы не сможем полностью понять ни значение текста, ни социальный смысл рассказа, ни отношение к нему туземцев, если будем изучать его изложение на бумаге. Эти сказания живут в памяти человека, в способе их передачи и даже в еще большей мере — в совокупном интересе, который не дает им умереть, который заставляет рассказчика пересказывать их с гордостью или печалью, который заставляет слушателя внимать им с нетерпением и завистью, пробуждает надежды и амбиции. Таким образом суть легенды, даже еще больше чем суть волшебной сказки, невозможно постичь при простом ее прочтении, эта суть открывается только при изучении повествования в контексте социальной и культурной жизни туземцев”⁴.

Кроме того, уже в самых примитивных культурах намечается определенная специализация и разделение труда, в частности, в области поддержания знаний о прошлом.

“В обществе дикарей, конечно же, не культивируется жажда знаний... и их интересы определяются главным образом традиционным миром их культуры. Но в этом мире мы находим и страстного любителя старины, интересующегося мифами, легендами, деталями обычаев, родословными и событиями древности, и терпеливого и усердного в своих наблюдениях натуралиста, способного делать обобщения и объединять в длинные цепи события из жизни животных, обитателей моря и джунглей... И наконец, как хорошо известно каждому полевому исследователю, в примитивной общине всегда есть свой социолог, идеальный информатор, способный с удивительной точностью и проницательностью охарактеризовать *raison d'être*, функции и организацию многих институтов племенной жизни”⁵.

Как известно каждому специалисту по современному фольклору, в любой деревне подавляющее большинство жителей, за исключением одного-двух признанных сказителей или сказительниц, не только не могут сколько-нибудь связно рассказать хоть какую-нибудь местную историю или легенду, но как правило даже не знают их содержания. Поэтому любые зафиксированные устные предания, легенды и т. д. в значительной мере являются авторскими произведениями, и вопрос о степени знания этих легенд “широкими массами” остается открытым и требует специальных исследований.

⁴ Малиновский Б. Миф в примитивной психологии [1926] // Малиновский Б. Магия, наука, религия. Пер. с англ. М.: Рефл-бук, 1998. С. 103—104.

⁵ Малиновский Б. Магия, наука, религия [1925] // Малиновский Б. Магия, наука, религия. С. 36—37.

Наряду с различными мифами, легендами и т. д. в европейской культуре в эпоху античности и Средневековья можно выделить и несколько других важных типов устных нарративов, которые могли служить источником формирования обыденных представлений о прошлом у соответствующих групп слушателей. В античности это прежде всего различного рода речи и риторические дискурсы⁶. Известно, что сведения о прошлом часто занимали в риторических выступлениях весьма существенное место. О связи риторики со знаниями о прошлом говорит хотя бы тот факт, что самая знаменитая характеристика истории, данная Цицероном, была соотнесена с ораторским искусством:

“А сама история — свидетельница времен, свет истины, жизнь памяти, учительница жизни, вестница старины? Чей голос, кроме голоса оратора, способен ее обессмертить?”⁷

В Средние века существенную роль в формировании обыденных знаний о прошлом играла религиозная устная традиция. Христианство, собственно, и возникает как устная проповедь, и эта традиция устного общения клириков с прихожанами поддерживается и по сей день. Несмотря на постепенное распространение письменных религиозных текстов, в том числе содержащих сведения о прошлом, сохранялась традиция их чтения вслух или устного изложения и пересказа. Например, уже в III—IV вв. появляются своды рассказов, которые читались на так называемых синаксах — сходках христиан, происходивших не в богослужебных целях, а для чтения избранных мест из сочинений христианских авторов. Различного рода собрания агиографических сведений — синаксарии, минеи и т. д. — по сей день поддерживаются в том числе и в устной форме, являясь одним из главных источников обыденного религиозного знания о прошлом.

В последние десятилетия внимание исследователей, в частности, привлекает такой вид информации о прошлом, как *Libri memoriales* — книги памяти, т. е. литургические тексты из монастырей и церквей, лежавшие обычно на алтаре во время богослужения и представлявшие собой списки поминаемых на литургии людей (не только умерших, но и ныне здравствующих). В частности, в работах немецких историков на материале этих поминальных литургических списков было детально исследовано такое характерное для средневекового массового сознания явление (существовавшее вплоть до XVI—XVII вв.), как формирование “нерасторжимого сообщества живых и мертвых”⁸.

⁶ Об античной риторике см.: Гаспаров М.Л. Цицерон и античная риторика // Цицерон. Три трактата об ораторском искусстве. Пер. с лат. М.: Наука, 1972. С. 7—73.

⁷ Цицерон. Об ораторе II, 9 // Цицерон. Три трактата об ораторском искусстве. С. 75—252.

⁸ Подробнее об этих исследованиях см.: Арнаутова Ю.Е. *Memoria*: “тотальный социальный феномен” и объект исследования // Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени / Ред. Л.П. Репина. М.: Кругъ, 2003. С. 19—37.

Вообще, как показано во многих исследованиях о взаимодействии устной и письменной традиции, начиная с высокого Средневековья устное творчество (по крайней мере то, которое дошло до нас в записанном виде) уже испытывало сильное влияние письменных источников. Типичный пример в этом отношении — французские эпические жесты, начавшие распространяться в больших количествах в XII в. (первые жесты появились, по косвенным данным, во второй половине XI в., а первые дошедшие до нас копии записанных эпосов относятся ко второй половине XII в.). Конечно, как отмечал М. Блок,

“...было бы вопиющим неправдоподобием представлять себе жонглеров этикими книгоочемьями, роющимися в библиотеках”, но, скорее всего, они получали косвенное знакомство с историческими текстами через монахов, и “на многих эпических легендах стоит монастырское клеймо”⁹.

Но, скажем, в Германии, где героические поэмы появляются лишь в конце XII в., наряду с сюжетами, явно почерпнутыми из хроник, часто повествуется о более глубокой древности, вплоть до варварских времен и эпохи переселения народов¹⁰. Это, по мнению М. Блока, свидетельствует о большем, чем во Франции, влиянии народной устной традиции на авторов песен:

“Если бы поэты получали темы от клириков, роющихся в рукописях, дело, конечно, обстояло бы иначе: вожди варваров не были основателями германских монастырей, и если хронисты и упоминали об Аттиле, даже о “тиране” Теодорихе, то изображали их в гораздо более мрачных красках, чем эпос”¹¹.

Подчеркнем, что даже в нынешний век всеобщей грамотности устная информация о прошлом продолжает активно распространяться в современном обществе, будь то предания, воспоминания и рассказы очевидцев или пересказы прочитанного. В наибольшей степени это характерно для общения вне рамок повседневной городской культуры — в деревнях, летних лагерях для школьников, в туристических походах, в колониях для заключенных и т. д., словом, там, где есть время для непосредственного устного общения и ограничен доступ к иным источникам информации. Активно поддерживается устная традиция и в религиозном знании. Наконец, те или иные об-

⁹ Блок М. Феодальное общество. Пер. с фр. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2003 [1939—1940]. С. 100.

¹⁰ О “Песне о Нибелунгах” см. также.: Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства [1990] // Гуревич А.Я. Избранные труды. В 2-х т. СПб.: Университетская книга, 1999. Т. 2. С. 261—547 (с. 342—356). Особый случай представляют исландские родовые и королевские саги, записанные в XIII в. и повествующие о периоде IX—XIII вв.; см. Гуревич А.Я. История и сага. М.: Наука, 1972; Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства [1990] // Гуревич А.Я. Избранные труды. В 2-х т. Т. 2. С. 261—547 (с. 305—341).

¹¹ Блок М. Указ. соч. С. 105—106.

рывки сведений о прошлом по-прежнему содержатся в политических речах, произносимых на различного рода митингах и собраниях.

Все формы поддержания устной традиции в некотором смысле стали даже более широко распространенными благодаря радио. Но еще более значимыми для формирования обыденного знания о прошлом являются визуальные источники информации.

Визуальные и аудиовизуальные источники

В рамках этой обширной группы можно выделить по меньшей мере три достаточно самостоятельных “подвида”: мемориальные сооружения, коммеморации и, наконец, аудиовизуальные источники с “художественным” или научно-популярным оттенком — театральные представления, кинофильмы и телепередачи.

Мемориальные сооружения

В исследованиях, посвященных “исторической памяти”, используется много пространственных метафор: “места”, “рамки”, “пространства”, и это не случайно. С размещением объектов в пространстве со времен глубокой древности связано искусство запоминания — мнемотехника, возникшая в связи с необходимостью сохранять информацию (в памяти). В европейской традиции изобретателем мнемотехники считается греческий поэт Симонид Кеосский (556–468 до н. э.). Именно он ввел два основных принципа запоминания: создание символических образов и установление их порядка (организации) в пространстве. По легенде, излагаемой Цицероном, Симонид смог опознать под развалинами рухнувшего здания останки тех, с кем он пировал,

“потому что он помнил, кто на каком месте возлежал. Это вот и навело его на мысль, что для ясности памяти важнее всего распорядок. Поэтому тем, кто развивает свои способности в этом направлении, следует держать в уме картину каких-нибудь мест и по этим местам располагать воображаемые образы запоминаемых предметов. Таким образом, порядок сохранит порядок предметов, а образ предметов означает самые предметы, и мы будем пользоваться местами, как воском, а изображениями, как надписями”¹².

Пространственные приемы мнемотехники были отчасти унаследованы и христианской традицией — например, Августин писал о “равнинах и обширных дворцах памяти, где находятся сокровищницы, куда свезены бес-

¹² Цицерон. Об ораторе II, 86. “Конечно, если у человека нет памяти от природы, такими упражнениями ее не создашь” (Цицерон. Об ораторе II, 88) // Цицерон. Три трактата об ораторском искусстве. С. 75–252.

численные образы всего, что было воспринято”¹³. Но особую популярность пространственные мнемотехнические приемы получают в эпоху Ренессанса. Мыслители той эпохи, испытывавшие сильное влияние герметизма, каббалистики и других оккультных систем, видели в мнемонических схемах зашифрованные парадигмы космических сил, отражение образов трансцендентного мира. Техническое мастерство запоминания, созданное древними, мыслители Ренессанса использовали как магический метод раскрытия тайной гармонии земной и трансцендентной сфер. В воображаемых “дворцах” и “театрах” памяти они хранили свои замысловатые космологические концепции¹⁴.

Отзвук этих представлений можно обнаружить, в частности, в разработанной в 1930-е гг. теории психологического поля К. Левина, который, в свою очередь, был близок к школе гештальт-психологии. В работах “Динамическая теория личности” (1935) и “Принципы топологической психологии” (1936) он представил психологическое “пространство” с помощью графических символов, как имеющее границы и барьеры, разделенное на районы, изменяющие свои формы. К топологии Левин присоединил специально разработанную им геометрию “годологического пространства” (от греч. hodos — путь), которая использовалась для описания векторов движения субъекта в психологическом поле¹⁵.

Пространственные объекты, игравшие столь важную роль в организации индивидуальной памяти, воздействуют и на формирование социальных представлений о прошлом. Однако если “искусство запоминания работает с воображаемым пространством”, то “помнящая культура — с расстановкой знаков в естественном пространстве”¹⁶. Исторические объекты, размещенные в пространстве (памятники, здания, улицы и площади, целые городские кварталы), а зачастую и само пространство, наделяются специфическими культурными смыслами, семиотизируются. В таких случаях пространственные объекты и пространство в целом в самом прямом смысле представляют собой “места памяти”, которые музеефицируются и ритуализируются.

Необходимо сразу сказать, что мемориальные сооружения сами по себе не могут выполнять роль источника информации о прошлом — их “смысл” должен расшифровываться в рамках или устной, или письменной традиции. Проще говоря, для “понимания” любого мемориала нужен или “экскурсовод”, или табличка с надписью. Тем не менее, в сочетании с устными и письменными источниками мемориалы оказываются одним из действенных факторов формирования исторических представлений.

¹³ Августин. Исповедь, X, 8, 12 // Аврелий Августин. Исповедь. Пер. с лат. М.: Ренессанс, 1991.

¹⁴ Подробнее см.: Йейтс Ф. Искусство памяти. Пер. с англ. СПб.: Университетская книга, 1997 [1966].

¹⁵ См.: Ярошевский М.Г. История психологии. М.: Мысль, 1976. С. 405—406.

¹⁶ Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. Пер. с нем. М.: Языки славянской культуры, 2004 [1992]. С. 63.

Древнейшими мемориальными комплексами, призванными напоминать о прошлом, были места захоронений и различные сооружения, возводившиеся в память об умерших, от языческих капищ до египетских пирамид¹⁷. Постепенно появляются и другие виды скульптурных и архитектурных объектов, призванные напоминать о прошлом. По крайней мере со времен античности наряду с изображениями богов и мифических существ начинают устанавливаться статуи правителей, священнослужителей, военачальников и т. д. Тот же Геродот пересказывает рассказ Гекатея Милетского о посещении им фиванского святилища: “Они <жрецы> привели меня в огромное святилище и показали ряд колоссальных деревянных статуй... Каждый верховный жрец ставил там в храме еще при жизни себе статую”¹⁸. О прошлом напоминают и различного рода настенные изображения как в культовых, так и гражданских зданиях — барельефы, фрески и т. д. Наконец, в Древнем Риме возникает такая чисто “историческая” форма мемориального сооружения, как триумфальные арки¹⁹.

Все эти виды мемориальных сооружений активно распространяются в Новое время — например, в России триумфальные арки возводились в честь военных побед начиная с петровского времени. Но настоящий бум возведения триумфальных арок и памятников возникает в XIX в.²⁰ Наряду с традиционными статуями действующих или недавно почивших правителей в большом количестве появляются принципиально новые “исторические” памятники, символизирующие общность национального прошлого.

Так, например, с конца 1830-х гг. началась череда открытия памятников в немецких землях.

“Устроители таких торжеств умело вкладывали в них национально-политический смысл, и именно так они воспринимались населением... Гражданские слои населения пользовались каждым удобным поводом, чтобы устроить такую сходку и продемонстрировать свою принадлежность к национальному сообществу”²¹.

¹⁷ О кладбищах и их роли как источника сведений о прошлом в Средние века и Новое время см., например: Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. Пер. с фр. М.: Прогресс, 1992 [1977].

¹⁸ Геродот. История II, 143 // Геродот. История. Пер. с др.-греч. М.: Ладомир, 1993.

¹⁹ Известны и гораздо более древние арки, например, Ворота Иштар в Вавилоне или Ворота Солнца в храме Каласасайя (современная Боливия), но они являлись культовыми сооружениями.

²⁰ Например, во Франции — арки в Париже на площади Каррузель (1806 г.) и на площади Звезды (Шарля де Голля) (1806—1837 гг.). В России — Триумфальные ворота на Смоленской дороге (ныне Кутузовском проспекте) в Москве (1827—1834 гг.), Нарвские триумфальные ворота в Петербурге (1833 г.) и т. д.

²¹ Данн О. Нации и национализм в Германии, 1770—1990. Пер. с нем. СПб.: Наука, 2003 [1996]. С. 113.

Мемориальные сооружения — это не просто “места памяти”, но и места национальной гордости (или унижения), и вокруг них может вестись политическая борьба. Когда Европейский парламент предложил в 1984 г. переименовать вокзал Ватерлоо, “потому что тот звучит постоянным напоминанием о злосчастных наполеоновских войнах”, британцы возразили, что “«французам только на пользу пойдет постоянное напоминание о великой победе Веллингтона» и выразили беспокойство, не собираются ли Британию лишить также колонны Нельсона, Трафальгарской площади и Бленхеймского дворца”²².

Весьма любопытен в этом отношении пример России, где с 1917 г. и по сей день ведется непрерывная борьба вокруг сноса и возведения памятников — достаточно вспомнить ту же Триумфальную арку в честь победы над Наполеоном, сначала снесенную, а затем вновь возведенную на Кутузовском проспекте, не говоря уже о памятниках историческим личностям. О переменчивости настроений, связанных с этой политизированной проблемой, свидетельствуют данные опросов Фонда “Общественное мнение” по поводу восстановления памятника Дзержинскому на Лубянской площади в Москве, демонтированного в 1991 г. (мы приводим результаты опросов только самих москвичей). Так, в декабре 1998 г. 39% опрошенных были за восстановление памятника, а 53% — против. В июне 2000 г., т. е. спустя всего полтора года, цифры поменялись на противоположные: 53% — за восстановление памятника, 35% — против!²³

Как считает Г. Люббе, в наши дни необыкновенное внимание к артефактам прошлого и активное участие в ритуалах, организуемых вокруг них, объясняется тем, что

“усилиями исторического сознания *компенсируется* утрата чувства знакомого в культуре, утрата, обусловленная темпом изменений. Необходимость таких усилий увеличивается прямо пропорционально процессу модернизации. Охрана памятников — вот особенно наглядный пример, на котором мы можем видеть взаимосвязь модернизации и историзирующего консервирования. Чем быстрее городская и сельская архитектурная среда, под воздействием экономически и технически обусловленной динамики строительства, на наших глазах становится чужой, тем сильнее мы стремимся сохранить самое близкое нам — опыт самоидентичности во времени”²⁴.

²² Лоуэнталь Д. Прошлое — чужая страна. Пер. с англ. СПб.: Владимир Даль, 2004 [1985]. С. 12. Бленхеймский дворец построен в 1705—1724 гг. в честь победы в 1704 г. близ деревни Бленхайм (ныне Блендхайм, Бавария) англо-австрийских сил под командованием Джона Черчилля и Евгения Савойского над французско-баварскими войсками в ходе войны за Испанское наследство.

²³ http://bd.fom.ru/report/cat/societas/image/istoriya_rossii/dzerjinsky/t8044709; http://bd.fom.ru/report/cat/societas/image/istoriya_rossii/dzerjinsky/tb001012.

²⁴ Люббе Г. В ногу со временем. О сокращении нашего пребывания в настоящем [1992] // Вопросы философии. 1994. № 4. С. 94—107 (с. 98).

Даже целые местности могут формировать социальные представления о прошлом. Они могут размечаться памятниками, а могут сами возводиться в ранг символа, семиотизироваться. Пример первого случая — Бородинское поле, место конкретного исторического события, с памятниками, часовней, восстановленными редутами и траншеями. Это — историческая площадка, на которой регулярно могут воспроизводиться определенные исторические действия, театрализованные представления (там все еще “гремят пушки”). Еще любопытнее, что на Бородинском поле “гремят пушки” и другой Отечественной войны — 1941—1945 гг. Памятники героям обеих войн находятся рядом: около Бородинского музея, открытого в XIX в., стоит музей, посвященный Отечественной войне XX в.

Пример второго типа, когда пространство не размечено и воспринимается как “место памяти” само по себе — Беловежская пуца, одно из символических пространств, проанализированных в известной работе С. Шама “Пейзаж и память” (1995), объединившее тему влияния ландшафта, модную проблематику “исторической памяти” и традиций, запечатленных в существующих ныне институтах²⁵. Причем Шама показывает, что пространство “Беловежской пуцы” осмысливалось неодинаково разными этносами, жившими в его пределах: литовцами, немцами, евреями, белорусами.

Коммеморации

Важным источником формирования массовых представлений о прошлом являются коммеморации, т.е. празднование исторических событий. Так, уже у древних иудеев исторические праздники, наряду с Библией, были одним из главных инструментов формирования национального сознания в условиях отсутствия государственности. Античные государства отличались высокоразвитой культурой праздников, в их числе были и коммеморации (например, дни основания города). Средневековые праздники были преимущественно религиозными (или народными, связанными с языческими ритуалами), профанные исторические события почти не “вспоминались”. Однако в Новое время, параллельно с формированием государств-наций, складывается целая система праздников-коммемораций, которые во многом и формируют компендиум важнейших событий и пантеон великих деятелей национальной истории.

М. Ферро в качестве примера страны “вечного праздника” приводит Испанию, где существует огромное количество исторических праздников — от “Moros y Christianos” (истории борьбы с маврами) до

“праздника кельтиберов в Сан-Педро... праздника в честь римских солдат в Коголос-Веге, битвы Клавиho, победы Сиды, коронации католических ко-

²⁵ Shama S. Landscape and Memory. L.: Harper Collins Publishers, 1995.

ролей, открытия Америки, победы при Лепанто, борьбы за независимость против Наполеона... и кончая повторением церемонии, которая в 1852 г. положила конец выплате Галисией дани Кастилии”²⁶.

Ритуал исторических праздников в США подробно описан социологом У.Л. Уорнером²⁷. Несмотря на то, что национальная история там является очень короткой и не слишком богатой событиями по сравнению с европейскими странами, исторические праздники играют весьма важную роль. Не считая Пасхи, Рождества и Нового года, в настоящее время в США существует восемь общенациональных официальных праздников, когда закрываются государственные учреждения: День благодарения, День независимости, День Мартина Лютера Кинга, День президентов (ранее — день рождения Дж. Вашингтона), День поминовения (ранее — день поминовения погибших в Гражданской войне), День труда, День Колумба, День ветеранов [войн] (ранее — День перемирия, в честь окончания Первой мировой войны). Все эти праздники, за исключением Дня труда, по крайней мере исходно являются историческими.

Но эти праздники являются общенациональными лишь потому, что в каждом штате был отдельно принят соответствующий закон. В дополнение к праздникам, по которым решения штатов совпадают, имеется по крайней мере 50 других дней, признанных в качестве официальных или общественных праздников в одном или нескольких штатах. Большинство из них относится к числу исторических, например: день рождения Роберта Ли, день рождения Линкольна, День независимости Техаса, День битвы при Банкер-Хилле, день рождения Натана Бедфорда Форреста, день рождения Эндрю Джексона, день рождения Томаса Джефферсона, День битвы при Бенningтоне, день рождения Хью П. Лонга, День Пуласки, День поминовения конфедератов, День Уилла Роджерса, День генерала Дугласа Макартура и т. д.²⁸

Не только становление национальных государств, но и радикальные смены политических режимов сопровождаются введением новых и ликвидацией старых праздников. С необычайным рвением “политику памяти” проводили деятели Французской революции; увековечивание было важной частью их революционной программы. Статья 1 Конституции 1791 г. провозглашала: “Для сохранения памяти о Французской революции будут установлены национальные праздники”. О праздниках революционной Франции писали многие историки, начиная с Ж. Мишле. М. Озуф посвятила их ана-

²⁶ Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира. Пер. с фр. М.: Высшая школа, 1992 [1986]. С. 134.

²⁷ Подробнее о ритуале американских исторических праздников см.: Уорнер У.Л. Живые и мертвые. Пер. с англ. М.; СПб.: Университетская книга, 2000 [1959]. С. 113—254.

²⁸ Бурстин Д. Американцы. В 3-х т. Т. 1: Колониальный опыт [1958]. Т. 2: Национальный опыт [1972]. Т. 3: Демократический опыт [1973]. Пер. с англ. М.: Прогресс, 1993. Т. 2. С. 475—476.

лизу и интерпретации большое монографическое исследование, которое так и называется: “Революционный праздник: 1789—1799”²⁹. Но при этом 14 июля — День взятия Бастилии — начал отмечаться только через 100 лет после самого события, в рамках юбилейных торжеств по случаю годовщины революции.

Вообще история праздников и различных мемориальных дат складывается, как правило, крайне запутанным образом и почти всегда обрастает мифами. Наглядный пример — 4 июля, Национальный праздник США, или 23 февраля — День Красной армии в СССР/России. Мифологизация большинства “исторических” праздников приводит к тому, что зачастую они не столько проясняют, сколько еще больше размывают массовые представления о связанных с тем или иным праздником исторических событиях.

Особо следует упомянуть *о юбилейных коммеморациях*, приуроченных к “круглым датам”. Традиция таких коммемораций восходит по крайней мере к Древнему Риму, где праздновались так называемые секулярные игры.

“Секулярные игры (*лат. ludi saeculares*), праздник, заключающий *saeculum* (столетний цикл) (от принятой в эти века даты основания Рима в 749 г. до н. э. — *И. С., А. П.*). Он проводился в 249 и 149 г. до н. э. как искупительный праздник, сопровождавшийся ночными жертвоприношениями силам подземного мира, и должен был знаменовать собою конец старого, отягощенного проклятиями века. Август изменил характер праздника. Наряду с идеей искупления на первый план он выдвинул идею очищения перед началом новой счастливой эры... В 17 г. до н. э. состоялся трехдневный праздник, завершившийся играми... Позже секулярные игры устраивались императорами через произвольные промежутки времени, как торжества, знаменующие наступление счастливого века”³⁰.

Уже здесь мы видим целый набор характерных примет юбилейного празднования. Во-первых — исходная привязка к “круглым” датам как поводу для напоминания об историческом событии; во-вторых — использование юбилейного праздника в целях текущей политики; в третьих — пренебрежение, в конечном счете, “круглыми” датами и полное подчинение праздника политическим интересам.

Юбилейные коммеморации широко распространяются уже в XIX в., а в XX в. такого рода празднования начинают доходить до абсурда (примеры приводить не будем, ибо они у всех перед глазами). Весьма показательно, что П. Нора, который в значительной степени способствовал возникнове-

²⁹ Озуф М. Революционный праздник: 1789—1799. Пер. с фр. М.: Языки славянской культуры, 2003 [1976].

³⁰ Словарь античности / Сост. Й. Ирмшер, Р. Йоне. Пер. с нем. М.: Прогресс, 1989 [1987]. С. 515—516.

нию интереса к “исторической памяти” и много лет посвятил подготовке многотомного издания “Места памяти” (1984–1993), завершил последний том этой работы разочарованным заключением “Эра коммемораций”, где с явной горечью констатировал:

“Удивительна судьба этих «Мест памяти»: по своему демаршу, методу и даже названию они замышлялись как тип истории, направленный против коммемораций, но коммеморации захватили их... Власть памяти сегодня настолько сильна, что коммеморативный аппетит эпохи подчинил себе все, вплоть до стремления управлять этим феноменом. Так что выражение «места памяти» — орудие, созданное для того, чтобы критически осветить этот феномен, — было тут же превращено в инструмент коммеморации по преимуществу”³¹.

Аудиовизуальные формы искусства

Особую роль в формировании социальных представлений о прошлом играют аудиовизуальные формы искусства, а ныне — и средства массовой информации: театральное искусство, кинематограф и телевидение.

Согласно правилам античной поэтики, основной предмет трагедии составляло именно изображение прошлого (которое делилось на три вида — мифологическое, сказочное и историческое). Трагедии начинают публично исполняться очень рано, и можно предположить, что театральные постановки служили важным источником информации о прошлом уже для древнегреческих театралов. Хотя нам мало что известно о тогдашней посещаемости театров, но известно о силе эмоционального воздействия театральных постановок. Например,

“Фриних сочинил драму «Взятие Милета», и когда он поставил ее на сцене, то все зрители залились слезами. Фриних же был присужден к уплате штрафа в 1000 драм за то, что напомнил о несчастьях близких людей. Кроме того, афиняне постановили, чтобы никто не смел возобновлять постановку этой драмы”³².

В Средние века большой популярностью пользовались различные религиозные театрализованные действия, инсценировавшие новозаветную историю (литургии, пасхальные и рождественские игры, мистерии, пасхальные карнавалы)³³. Эти театрализованные действия едва ли не в большей степени, чем проповеди, служили источником сведений о христианской истории для неграмотного населения.

³¹ Нора П. Эра коммемораций [1993] // Нора П. и др. Франция—память. Пер. с фр. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1999 [1984—1993]. С. 95—148 (с. 95—96).

³² Геродот. История VI, 21 // Геродот. История.

³³ См.: Колязин В.Ф. От мистерии к карнавалу: Театральность немецкой религиозной и площадной сцены раннего и позднего Средневековья. М.: Наука, 2002.

Общая роль прошлого, основные сюжеты и характер их изображения в европейском драматическом искусстве от античности до Нового времени подробно проанализированы в работе М. Андреева, к которой мы и отсылаем читателей³⁴. Не следует забывать и об опере: как отмечает М. Ферро,

“видение-греза о величии германского Средневековья, истоков Германии — это творения Рихарда Вагнера. Созданные им грандиозные спектакли укореняли в германском сознании величественный миф о Рейне”³⁵.

Наконец, в XX в. огромное воздействие на историческое сознание стал оказывать кинематограф. Опыт фашистской Германии и сталинской России полностью подтвердил правильность ставшего классическим высказывания В. Ленина: “из всех искусств для нас важнейшим является кино”. Впрочем, и в других странах кино играло весьма заметную роль в качестве источника представлений об истории: например, для многих американцев фильм “Унесенные ветром” (даже в большей степени, чем книга) формирует образ Гражданской войны. “Удельный вес” изображения прошлого в кинематографе необычайно велик³⁶, и не случайно кинофильмы, согласно приведенным выше данным, являются ныне едва ли не главным источником информации о прошлом.

Особое значение имело развитие телевидения, которое, во-первых, воспроизводит игровые и документальные фильмы, созданные в кинематографе, во-вторых, само активно создает их, в-третьих, транслирует различные научно-популярные исторические передачи (справедливости ради отметим, что некоторые из них отличаются довольно высоким качеством).

Появление технических средств видео- и аудиозаписи, начиная с первых дагерротипов и фонографов и заканчивая современными цифровыми устройствами, равно как и развитие аудиовизуальных форм искусства, существенно повлияло на формирование представлений о прошлом. Как об этом пишет Д. Бурстин, до конца XIX в.

“жизнь была цепью невозвратимых, неповторимых эпизодов. Время было последовательностью единственных в своем роде мгновений — каждое приходило и никогда уже не повторялось. Прошедшее было чем-то, что уже было не воскресить... Неповторимость мгновения была сокровенным смыс-

³⁴ Андреев М.Л. *Формы прошлого в классической европейской литературе* // Гуманитарные исследования ИГИТИ. М.: ГУ ВШЭ, 2004. Вып. 3.

³⁵ Ферро М. *Как рассказывают историю детям в разных странах мира*. С. 135.

³⁶ Существует большое число работ, посвященных изображению прошлого в кинематографе; см., например: Rosenstone R. A. *Visions of the Past: The Challenge of Film to Our Idea of History*. Cambridge (MA): Harvard University Press, 1995; *The Historical Film: History and Memory in Media* / Ed. M. Landy. New Brunswick (NJ): Rutgers University Press, 2001; Самутина Н.В. *Современное европейское кино и идея культуры (“прошлого”)* // Гуманитарные исследования ИГИТИ. М.: ГУ ВШЭ, 2003. Вып. 5.

лом жизни и смерти. Говорить о ней было все равно что иными словами говорить о том, что человек смертен. Поскольку только лишь Бог вездесущ, он мог одновременно быть везде и всюду. Он не был ограничен пространством и временем, так же как он не был ограничен погодой или временем года. Только лишь Бог мог видеть события так, будто бы они все еще происходили или будто они все произошли одновременно. Только Бог мог видеть движущиеся тени умерших и слышать их голоса. Теперь все это мог делать человек³⁷.

Письменные источники

В последние десятилетия довольно много исторических работ было посвящено проблеме взаимодействия устной и письменной традиции в разных обществах и культурах, начиная с высоких культур древности, через Средние века и заканчивая относительно недавним прошлым³⁸. Однако эти исследования почти не проливают света на роль письменных источников в формировании массовых представлений о прошлом, и здесь во многом приходится опираться на косвенные данные.

Первый, и самый очевидный фактор — доля грамотного населения, т.е. тех, кто вообще мог что-то прочесть³⁹. В Западной Европе показатель доли грамотного населения составлял, по некоторым оценкам, в XI в. не более 1–3%, к концу XVI в. преодолел отметку в 10% и лишь к началу XIX в. в наиболее развитых странах превысил 50%-й уровень (табл. 2). Во Франции, например,

³⁷ Бурстин Д. Американцы. Т. 3. С. 469, 468.

³⁸ См., например: Clanchy M.T. *From Memory to Written Record: England, 1066—1307*. L.: Edward Arnold, 1979; Ong W.J. *Orality and Literacy: The Technologizing of the Word*. L.: Methuen, 1982; Stock B. *Listening for the Text: On the Uses of the Past*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1990; Stock B. *The Implications of Literacy: Written Language and Models of Interpretation in the Eleventh and Twelfth Centuries*. Princeton: Princeton University Press, 1983; Goody J. *The Interface Between the Written and The Oral*. Cambridge: Cambridge University Press, 1987; Ассман Я. *Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности*.

³⁹ Соответствующие условные оценки см. в: Мельянцеv В.А. *Доиндустриальный рост стран Запада: темпы, факторы, итоги и междивизиационные сопоставления // Восточеведные историко-экономические чтения памяти В.И. Павлова / Ред. М.С. Мейер, А.М. Петров. М.: ИСАА МГУ; ИВИ РАН, 1993. С. 97—136 (с. 118); Bairoch P. *De Jericho a Mexico: Villes et economies dans l'histoire*. P.: Gallimard, 1985. P. 178; Cipolla C.M. *Literacy and Development in the West*. Harmondsworth: Penguin Books, 1969. P. 55, 61; *Schooling and Society: Studies in the History of Education / Ed. L. Stone*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1969; Easterlin R.A. *Why Isn't the Whole World Developed? // Journal of Economic History*. March 1981. Vol. 41. №. 1. P. 1—19; Mitch D.F. *Rise of Popular Literacy in Victorian England: Influence of Private Choice and Public Policy*. Philadelphia (PA): University of Pennsylvania Press, 1992.*

в конце XVII в. доля грамотных составляла 29% среди мужчин и 14% среди женщин, в конце XVIII в. — 47% среди мужчин и 27% среди женщин⁴⁰.

Таблица 2. Доля грамотных в общей численности взрослого населения, %

Страна	ок. 1800 г.	ок. 1850 г.	ок. 1900 г.
Швеция	н.д.	90	>95
Германия	63–67	80	88
США	56–60	80	89
В т. ч. негры	н.д.	10–15	55
Великобритания	53–57	70	>95
Франция	36–40	55–60	83
Италия	25–30	30–35	52
Испания	н.д.	25	44
Япония	24–28	н.д.	н.д.
Россия	3–7	5–10	21

Источники: Россия 1913 год. Статистико-документальный справочник / Ред. А.П. Корелин. СПб.: Блиц, 1995. С. 327; Мельянцева В.А. Россия, крупные страны Востока и Запада: контуры долговременного экономического развития // Вестник Моск. ун-та. Сер. 13, Востоковедение. 1995. № 2. С. 31–52 (с. 41–42); Мельянцева В.А. Восток и Запад во втором тысячелетии: экономика, история и современность. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996. С. 61, 119; Миронов Б.Н. История в цифрах. Л.: Наука, 1991. С. 135; Камерон Р. Краткая экономическая история мира. От палеолита до наших дней. Пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2001 [1989/1993]. С. 267; Cipolla C.M. Literacy and Development in the West. Harmondsworth: Penguin Books, 1969.

Второй ключевой фактор — это количество имеющихся письменных текстов, в частности, число копий, доступных для чтения. Даже после изобретения книгопечатания тиражи книг были ничтожно малы, и лишь с конца XVIII в. можно говорить о сколько-нибудь массовых книжных изданиях и, соответственно, об относительной доступности книг для населения.

Наконец, третий и основной фактор — это характер, степень распространённости и интенсивность использования литературы, содержащей сведения о прошлом.

В Средние века популярность исторических сочинений среди элиты оценивается как относительно высокая⁴¹. Во времена Возрождения история вообще начинает превозноситься как вершина интеллектуальных занятий. “Хвала

⁴⁰ Шартье Р. Культурные истоки Французской революции. Пер. с фр. М.: Искусство, 2001 [1990]. С. 81.

⁴¹ Гене Б. История и историческая культура средневекового Запада. Пер. с фр. М.: Языки славянской культуры, 2002 [1980]. Гл. 6.

истории (*enconnium historiae*) — наиболее престижная топка гуманистической литературы этого времени”⁴². Собираание древностей — одно из самых уважаемых занятий, которому посвящают себя состоятельные люди. Непременное для образованного человека владение историческими сведениями, в том числе и блестящие познания в области античной истории, стали устойчивой традицией раннего Нового времени. Исторические знания политической и интеллектуальной элиты европейского общества XVII и особенно XVIII в. поражают своей разносторонностью.

Яркий пример общественного интереса наиболее образованной части населения к прошлому — полупрофессиональное антикварное движение в Великобритании в XVII—XIX вв., развивавшееся за пределами университетов в форме различных антикварных, археологических, литературно-филологических, публикаторских и т. п. небольших обществ любителей истории, которые к тому же активно участвовали в создании общественных музеев и библиотек⁴³.

Гораздо хуже обстояло дело в XVIII—XIX вв. с массовым потреблением литературы, содержавшей сведения о прошлом. Очевидно, что наиболее распространенным и абсолютно доминирующим письменным источником по истории была религиозная литература. Затем, видимо, шла мемуарная, а позже — и художественная литература (исторические романы). И лишь последней в этом ряду была популярная литература собственно по истории.

Наглядной иллюстрацией служат проанализированные Х. Медиком данные по вюртембергской деревне Лайхинген, где с середины XVIII и до начала XIX в. были зарегистрированы едва ли не самые высокие в Европе показатели количества книг в домашних библиотеках. В деревне, в которой около 1800 г. насчитывалось 364 домохозяйства, среднее число книг на одно домохозяйство составляло 10,6 книг в середине XVIII в. и 12,8 книг — в начале XIX в., причем книги были в абсолютно подавляющем большинстве домов. При таких рекордных для того времени показателях, в 92% домашних библиотек вообще не было ни одной светской книги!⁴⁴ Что касается популярных исторических книг, то в описях их зарегистрировано буквально единицы.

Согласно имеющимся данным, в немецких городских домашних библиотеках доля светских книг в то время была существенно выше: например, в

⁴² Барг М.А. Эпохи и идеи: становление историзма. М.: Мысль, 1987. С. 273.

⁴³ Зверева Г.И. Организация исторической науки в Великобритании в Новое и новейшее время. М.: МГИАИ, 1986. С. 7—11, 17—19, 55—56, 58—60.

⁴⁴ См.: Медик Х. Народ с книгами: Домашние библиотеки и книжная культура в сельской местности в конце раннего Нового времени. Лайхинген (1748—1820) [1997] // Прошлое — крупным планом: Современные исследования по микроистории / Ред. М. Кром и др. Пер. с англ., нем., фр. СПб.: Алетейя, 2003. С. 181—222 (с. 191, табл. 1; с. 196, табл. 6).

Шпейере в 1780–1786 гг. — 20%, в Тюбингене в 1800–1810 гг. — 22%⁴⁵, поэтому можно предположить, что там было больше и число книг по истории. Тем не менее исторические книги явно не относились к разряду очень распространенных.

Перенесемся теперь во Францию. В домах у французских крестьян до 1789 г. в лучшем случае можно было видеть только часословы, религиозную литературу, календари-справочники, колдовские книги, сказки Голубой библиотеки. В городах ситуация была не многим лучше. В начале XVIII в. в Париже только 13% описей имущества умерших рабочих содержат упоминания о книгах, к 1780 г. эта цифра вырастает до 35%. Согласно данным о разрешениях на печатание книг, в Париже религиозные сочинения составляли в конце XVII столетия половину всей печатной продукции, а к 1780-м гг. их доля уменьшилась до 1/10. Это относительное сокращение происходит за счет увеличения доли книг, посвященных наукам и искусствам, в то время как “доля других обширных библиографических разделов (право, история, изящная словесность) на протяжении столетия почти не изменяется”, хотя общий объем книжной продукции с начала века до 1780-х гг. вырос в три-четыре раза⁴⁶.

Конечно, сведения о прошлом содержались не только в собственно исторических книгах, да и не только в книгах. Характерный пример — одно из воззваний, расклеивавшихся в Париже на стенах домов в 1768 г., когда свободная торговля зерном привела к повышению цен на хлеб:

“При Генрихе IV хлеб был дорог, потому что в ту эпоху шли войны, зато Францией правил настоящий Король; во времена Людовика XIV тоже были высокие цены на хлеб — виной тому были то войны, то неурожаи, но все-таки Францией еще правил настоящий Король; нынешняя же дороговизна хлеба не связана ни с войной, ни с неурожаем, но только с тем, что у нас нет настоящего Короля, потому что наш Король — Торгаш”⁴⁷.

Только в XIX в. появляется принципиально новый литературный источник формирования действительно массовых представлений о прошлом — исторические романы⁴⁸. Признанным родоначальником жанра по праву считается В. Скотт, и в позапрошлом столетии в Англии его ценили не меньше, чем Шекспира и Байрона. В Германии была велика популярность исторических поэм И. Гёте и Ф. Шиллера, а во второй половине XIX в. — и мно-

⁴⁵ Медик Х. Указ. соч. С. 181—222 (с. 186).

⁴⁶ Шартье Р. Культурные истоки Французской революции. С. 153, 81, 82, 103.

⁴⁷ Цит. по: Шартье Р. Культурные истоки Французской революции. С. 131.

⁴⁸ Об изображении прошлого в европейской художественной литературе до XIX в. см.: Андреев М.Л. Формы прошлого в классической европейской литературе // Гуманитарные исследования ИГИТИ. М.: ГУ ВШЭ, 2004. Вып. 3.

гих других авторов исторических сочинений⁴⁹. Во Франции “читающая публика” весьма благосклонно относилась к историческим романам А. Дюма, В. Гюго, А. де Виньи.

Точно так же и в России большой популярностью пользовались исторические сочинения М. Загоскина, И. Лажечникова, А. Пушкина, Л. Толстого. Достаточно вспомнить хрестоматийную сцену из “Ревизора” (действие 3, явление VI), когда Хлестаков, наряду с “Женитьбой Фигаро”, “Нормой” и другими сочинениями, приписывает себе (с подачи жены городничего) авторство романа Загоскина “Юрий Милославский”. О непреходящей популярности исторических романов в нашей стране свидетельствуют и приводившиеся выше данные современных социологических опросов — более 40% взрослого населения России именно из них черпает знания о прошлом⁵⁰.

Важнейшим источником формирования социальных представлений о прошлом теоретически является школьное историческое образование и *школьные учебники истории*. На протяжении XIX в. система школьного образования охватила подавляющую часть населения западноевропейских стран и США (табл. 3), а в XX в. образование приобрело едва ли не стопроцентно массовый характер. Переход ко всеобщему школьному обучению, среди прочего, означал, что и историческое образование стало общедоступным. Информация о прошлом начинает поступать молодежи в виде унифицированных и систематизированных исторических знаний.

Учебники пишутся, как правило, историками и на основе данных исторической науки, но в них конструкция прошлого с неизбежностью редуцируется до определенного объема и начинает выполнять прежде всего прагматические функции. Вопрос о том, в какой степени школьное историческое образование играет роль каркаса представлений о прошлом, в который встраиваются впоследствии знания, почерпнутые из других областей, нуждается в дальнейшем изучении. Для ответа на него требуются специальные исследования, и они довольно активно ведутся в разных странах, включая Россию.

В значительной мере школьные программы истории остаются событийными, а не “процессуальными”. Пропуски, наличествующие в учебниках — это прежде всего пропуски определенных событий. Естественно, что умолчания и пропуски имеют идеологизированный характер. Конечно, они объясняются и методическими соображениями, но чаще — целевыми установками

⁴⁹ См.: Эксле О.Г. Немцы не в ладу с современностью. “Император Фридрих II” Эрнста Канторовича в политической полемике времен Веймарской республики [1993] // Одиссей. Человек в истории. 1996. С. 212—235 (с. 216).

⁵⁰ Анализ содержания советских и постсоветских исторических романов см. в: Дубин Б.В. Семантика, риторика и социальные функции “прошлого”: к социологии советского и постсоветского исторического романа // Гуманитарные исследования ИГИТИ. М.: ГУ ВШЭ, 2003. Вып. 2.

Таблица 3. Доля учащихся в общей численности населения, %

Страна	ок. 1850 г.		ок. 1900 г.	
	Начальная школа	Начальная школа	Средняя школа	Высшая школа
США	18,0–20,4	19,7–21,3	0,9	0,3
Германия	16,0–16,5	15,8–15,9	1,6	0,1
Великобритания	10,5–13,5	14,1–14,6	0,3	0,1
Швеция	17,9(?)	14,4	0,4	0,1
Нидерланды	7,0–13,0	14,5	0,3	0,1
Франция	9,3–9,5	14,1–14,4	0,3	0,1
Испания	6,6	10,4	н.д.	н.д.
Италия	4,0–4,6	8,3–8,8	0,3	0,1
Россия	1,0–2,0	3,5	н.д.	н.д.

Оценено по: Easterlin R.A. Why Isn't the Whole World Developed? // Journal of Economic History. March 1981. Vol. 41. № 1. P. 1–19; North D.C. Growth and Welfare in the American Past. A New Economic History. Englewood Cliffs (NJ): Prentice-Hall, 1966. P. 85; Historical Statistics of the United States, Colonial Times to 1970. 2 vol. Washington: Department of Commerce, 1975; Mitchell B.R. European Historical Statistics, 1750–1975. 2nd ed. L.: Macmillan, 1981.

формирования национальной идентичности, в той ее части, которая опирается на знание о прошлом.

Школьное историческое образование неизбежно представляет собой “краткий курс”, вопрос лишь в том, за счет чего достигается эта краткость. В упомянутой выше школьной программе Б. Франклина он советовал от Древней истории сразу переходить к “истории нашей нации”⁵¹. Еще более выразительный пример — параграф из инструкции Совета по образованию в Великобритании о преподавании истории в средней школе (1909):

“Желательно очень сжато освещать те периоды, история которых отмечена плохим правлением, например, правление Эдуарда II, или те, которые заполнены сложными и неблагоприятными политическими интригами, которые интересны и поучительны для зрелых студентов, но мало полезны для более молодых учащихся... Поэтому как правило желательно пропускать почти без упоминания большую часть отечественной истории XVIII в. (борьбу внутри партии вигов...), многое из политической истории правления Карла II, историю периода Ланкастеров, гражданскую войну периода правления Стефана... для того чтобы освободить больше времени для изучения таких событий

⁵¹ Франклин Б. Очерк об английской школе [б. г.] // Франклин Б. Избранные произведения. Пер. с англ. М.: Госполитиздат, 1956. С. 573–578 (с. 575).

как Крестовые походы, Гражданская война, правление Елизаветы и великие войны за колониальное превосходство”⁵².

В блистательной работе М. Ферро на материалах школьных учебников начальных классов показано, как уже в раннем возрасте закладываются стереотипы обыденных исторических представлений⁵³. При этом Ферро убедительно продемонстрировал, что во всех странах базовые программы по истории эклектично совмещают в себе разноплановые и подчас противоречащие друг другу сведения о прошлом. И цель, которая преследуется при этом, носит не столько познавательный, сколько идеологический характер: обучение истории, воспитывающей чувство гордости за национальное прошлое.

2. Эмпирические результаты

Изучение социальных (массовых) представлений, существовавших в до-современных обществах, в целом представляет большую проблему. Довольно долго все исследования такого рода так или иначе базировались на небольшом количестве письменных текстов, принадлежавших узкому кругу интеллектуалов. В свое время еще Р. Мёртон с ехидством заметил по этому поводу:

“Например, Макс Вебер (или кто-то из многочисленного племени его эпигонов) может писать о широком распространении пуританских верований в семнадцатом веке, основывая свои фактические выводы на работах нескольких грамотеев, которые выразили свои верования и впечатления о верованиях других в книгах, которые мы теперь можем прочесть. Но, конечно, при этом остается незатронутым (и неприкосновенным) независимый вопрос о том, в какой степени эти верования, в том виде как они выражены в книгах, выражают верования широких слоев бессловесного (inarticulate), с точки зрения истории, населения (не говоря уже о различных странах внутри этого населения)”⁵⁴.

Надо заметить, что историки осознали данную проблему намного раньше, чем социологи, и уже с начала XX в. пытались проникнуть в эту закрытую ранее область прошлого. Начало этим исследованиям положили работы Л. Карсавина о народной средневековой религиозности в Италии XII–XIII вв. (1912 и 1915 гг.), Й. Хёйзинги о средневековом символизме

⁵² Цит. по: Samuel R. Continuous National History // Patriotism: The Making and Unmaking of British National Identity / Ed. R. Samuel. 3 vols. L.; N. Y.: Routledge, 1989. Vol. 1. P. 9–20 (p. 13).

⁵³ Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира.

⁵⁴ Merton R.K. Social Theory and Social Structure. Glenkoe (Ill.): The Free Press, 1957 [1949]. P. 445.

(1919 г.) и, наконец, французская история ментальности (А. Берр, М. Блок, Л. Февр), возникшая в 1920–1930-е гг. под прямым влиянием работ Э. Дюркгейма, М. Мосса и Л. Леви-Брюля. Эти исследования активно и довольно успешно развивались во второй половине прошлого века, в первую очередь применительно к эпохе Средневековья и раннего Нового времени.

Конкретное содержание обыденных знаний многие исследователи пытаются выявить на основе косвенных сведений о неких социальных действиях (ритуальных, обрядовых, церемониальных и т. д.), в которых, теоретически, находят отражение представления совершающих эти действия или участвующих в них “простых” людей. Благодаря такого рода исследованиям мы теперь действительно довольно много знаем о том, что “безмолвствующее большинство” (выражение А. Гуревича)⁵⁵ делало, но по-прежнему очень мало знаем о том, что оно при этом думало. В особенности это относится к обыденным представлениям о прошлом.

Для реконструкции обыденного знания о прошлом используются, по существу, два основных источника: во-первых, все те же сведения о ритуальных практиках, особенно религиозных; во-вторых, различного рода эпика. Понятно, что объем представлений о прошлом, которые могут быть выявлены при изучении структуры церковных религиозных обрядов, достаточно ограничен, прежде всего потому, что христианский литургический год, при всей его значимости для обыденного сознания, отражает очень ограниченный (темпорально и пространственно) сегмент прошлого.

Теоретически ритуальное действие обеспечивает высокую вероятность того, что его участники разделяют связанные с этим ритуалом представления. С этой точки зрения можно предполагать, что участие в “отмечании” праздников, связанных с событиями мирской или священной истории, означает, что участники хотя бы в общих чертах знают об этом событии. Это, впрочем, никак не характеризует содержание этих представлений, в том числе и их хронологическую атрибуцию.

Рассмотрим в качестве case-study пример — 23 февраля в России. Согласно опросу Социологического центра РАГС, в 2001 г. 56% респондентов заявили, что в их семье празднуют 23 февраля⁵⁶. По данным опросов Фонда “Общественное мнение”, доля отмечающих этот праздник несколько ниже: в 1998 г. она составляла 34%, в 2003 г. — 47%⁵⁷. Тем не менее, можно считать, что около половины взрослого населения России отмечает этот праздник. Конечно, число людей, принимающих участие в публичных праздничных ритуальных церемониях, намного меньше. В то же время число людей, на-

⁵⁵ Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства [1990] // Гуревич А.Я. Избранные труды. Т. 2. С. 261–547.

⁵⁶ http://www.rags.ru/s_center/opros/istoriya/opros.shtml.

⁵⁷ <http://bd.fom.ru/report/cat/humdrum/holiday/of030101>.

блюдающих эти церемонии по телевизору — намного больше. Так или иначе, значительная часть населения празднует 23 февраля, т. е. участвует в неких ритуальных мероприятиях по этому поводу.

Каковы же собственно обыденные представления о 23 февраля? К сожалению, у нас нет соответствующих опросных данных, но можно с уверенностью утверждать, что подавляющее большинство отмечающих этот праздник (равно как и наших высокообразованных читателей) не знает, как на самом деле называется этот праздник на протяжении последних 10 лет. Не вполне ясно российским жителям и о каком собственно празднике идет речь. При ответе на вопрос: “Что в первую очередь приходит вам в голову, когда вы слышите слова «23 февраля?»” (опрос 2003 г.) были получены следующие результаты: День армии и флота — 35%, День защитников Отечества — 22%, праздник всех мужчин — 18%, просто праздничный день, выходной — 14%⁵⁸.

Как отмечают сотрудники Фонда “Общественное мнение”, исторический контекст, который в настоящее время мобилизуется в связи с 23 февраля, довольно расплывчат. На всех фокус-группах возникали более или менее похожие диалоги, свидетельствующие о том, что представления респондентов о “происхождении” этого праздника более чем туманны. На вопрос модератора: “Скажите, а вы знаете традицию возникновения этого праздника? Когда, откуда он пошел, в связи с чем?” — были получены следующие ответы:

Фокус-группа (Москва):

1-я участница: Ой, это что-то такое...

2-й участник: Военно-морского флота что-то.

3-я участница: По-моему, с революции чего-то такое.

1-я участница: Да, это чего-то с гражданской войной.

3-я участница: Да, с гражданской.

4-й участник: В 18-м году.

1-я участница: Это какая-то победа была.

3-я участница: Колчак?

5-й участник: Насколько помню, немцев отогнали от Петербурга, что ли.

6-я участница: Это с Германией.

3-я участница: А, 14-й год?

5-й участник: Да, это Первая мировая. 17-й год.

4-й участник: 18-й год.

И т. д.

Что касается использования эпических источников для реконструкции представлений о прошлом, то здесь возникает еще больше вопросов: насколько, скажем, исландские саги, записанные в XIII в., отражают “массо-

⁵⁸ <http://bd.fom.ru/report/cat/humdrum/holiday/23february/d030712>.

вые представления” скандинавов первого тысячелетия нашей эры? Исследования социальных антропологов в XX в. показали, что представления о прошлом даже членов примитивных племен могут очень сильно варьироваться и не сводятся к какому-то одному мифу или легенде. Сами же мифы и особенно легенды воспринимаются членами племени достаточно дифференцированно, и не могут безоговорочно считаться общепринятым знанием, о чем убедительно писал еще Б. Малиновский.

“Этнограф пристаёт к информатору и из беседы с ним выводит формулировку туземного представления, скажем, о загробной жизни. Затем он пишет отчет, в котором грамматическое подлежащее обретает множественное число, — так мы узнаем о «туземцах, которые верят в то-то и то-то». Вот это я и называю «одномерным» описанием, поскольку оно игнорирует социальное измерение, в контексте которого верование следует проанализировать, а также проходит мимо существенной сложности и разнородности этого измерения*.

* Проверим это социологическое правило на примере нашей цивилизации. Когда мы говорим, что верующие Римско-католической церкви верят в непогрешимость папы, мы правы только в том смысле, что это ортодоксальная вера, которая навязана всем членам этой церкви. Польский крестьянин-католик знает об этом догмате ровно столько, сколько о дифференциальном исчислении. А если бы нам предложили изучать христианскую религию не как учение, но как социальную реальность (насколько мне известно, такие исследования пока не проводились), то все замечания, сделанные в этой части моей работы, можно было бы *mutatis mutandis* отнести к любому цивилизованному обществу точно так же, как к «дикарям» из Киривины⁵⁹.

Скептицизм в отношении возможностей реконструкции социальных представлений о прошлом еще больше усиливается в отношении более сложных и дифференцированных обществ. Как свидетельствуют современные исследования, массовые представления о прошлом необычайно сильно дифференцированы по различным социальным стратам (даже простейшим — по полу, возрасту, месту поселения, не говоря уже об уровне образования). Кроме того, эти представления довольно интенсивно меняются во времени. Конечно, в прошлом общества были менее дифференцированными и скорость социальных изменений, в том числе подвижек в “общественном сознании” (извиняемся за анахронизм), была существенно ниже. Тем не менее пренебрежение социальной дифференциацией и изменчивостью социальных представлений применительно к обществам прошлого, особенно обладав-

⁵⁹ Малиновский Б. Балом: духи мертвых на Тробрианских островах [1916] // Малиновский Б. Избранное: Динамика культуры. Пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2004. С. 335—436 (с. 413—414, 435—436).

шим письменностью, с неизбежностью ведет к “одномерному описанию”. Показательно также, что даже современные социальные представления, в том числе и о прошлом, являются объектом разногласий и ожесточенных научных (не говоря уже о политических) дискуссий, и разные центры изучения общественного мнения получают порой весьма противоречивые результаты по одним и тем же вопросам.

В работах историков часто встречаются внешне правдоподобные, но по сути абсолютно голословные утверждения о характере обыденного знания о прошлом, например:

“Печатная культура текстуализировала прошлое. Перемещая идеи, персоналии и события из среды устной традиции и сообщая им специфическое время и место в коллективной памяти, тексты позволяли читателям постичь историчность прошлого более глубоким образом. Текстуализация коллективной памяти углубляла темпоральность сознания читателя, а это, в свою очередь, вело к перестройке мнемонических схем, прежде воспринимаемых пространственно, в хронологические линии, исторические события на которых служили мнемоническими местами”⁶⁰.

Совершенно непонятно, на чем основываются подобные утверждения, насколько они правомерны и соответствуют реальному положению дел.

Если же говорить об эмпирических данных, то нам известно лишь одно прямое наблюдение, позволяющее с уверенностью судить об обыденных представлениях о прошлом в Средние века. Оно содержится в работе Э. Ле Руа Ладюри “Монтайю”, написанной по материалам допросов жителей деревни в 1318–1325 гг. представителем инквизиции Жаком Фурнье, тогдашним епископом города Памье, которые обвинял их в катарской ереси. При этом жители деревни использовали, как и в глубокой древности, не абсолютную, а только относительную хронологию (столько-то лет тому назад...). Абсолютная датировка от Рождества Христова упоминается лишь два раза, и то в речи горожан из Памье. Как заключает Ле Руа Ладюри,

“...Древней и менее древней истории нет или почти нет места в монтайонской культуре. Место Клио и не в церкви:... со стороны католической традиции, как она понимается многими поселянами, едва ли известен даже тот временной период, который описывает Ветхий Завет. Если оставить в стороне два упоминания об Адаме и Еве (плоды просвещения сельских кюре), то в обыкновенных беседах между домочадцами не было и речи о потопе или пророках... Католическое время в верхней Арьежи, таким образом, начинается с Марии, Иисуса и апостолов...

⁶⁰ Хаттон П. История как искусство памяти. Пер. с англ. СПб.: Владимир Даль, 2003 [1993]. С. 67.

Что касается древней или недавней истории, то ее, как таковой, почти нет в наших текстах, как в чисто монтаионских, так и вообще в арьежских. Римская древность известна — все еще — только в <Городе> Памье, где функционируют школы, где циркулирует текст Овидия. Земледельцы же почти не идут дальше предыдущего графа Фуа (ум. 1302)... В общем свидетели, которых допрашивает Фурнье, не вспоминают десятилетия до 1290–1300 годов. В самом деле, среди свидетелей насчитывается не много стариков: демография и менталитет голосуют, таким образом, против исторического времени”⁶¹.

Как отмечает Э. Ле Руа Ладюри, случай Монтайю отнюдь не уникален: “этнографы встречали много «обществ без истории» (без истории для себя...)”⁶². Типичный пример — племя горных арапешей на Новой Гвинее, культуру которых изучала М. Мид в 1930-е гг.:

“...Для арапешей нет прошлого, помимо прошлого, воплощенного в стариках... Чувство вневременности и всепобеждающего обычая, которое я нашла у арапешей... представляется тем более странным, что эти люди не изолированы, как жители отдельных островов, не отрезаны от других народов... Это чувство тождества между известным прошлым и ожидаемым будущим тем более поразительно, что небольшие изменения и обмены между культурами происходят здесь все время”⁶³.

Вместе с тем в примитивных сообществах иногда может, наоборот, наблюдаться очень активный интерес к прошлому: например, члены племени нуэр, которое изучал Э. Эванс-Причард, обычно могли назвать имена 9—11 поколений своих предков⁶⁴. Поэтому, если не пытаться экстраполировать наблюдения этнологов XX в. на древние культуры и не отождествлять потенциальные источники формирования обыденного знания с самим этим знанием, приходится с сожалением констатировать, что мы почти ничего не знаем об обыденном знании о прошлом, существовавшем до XX в. Необходимые прямые сведения стали доступны исследователям, по существу, лишь в последние десятилетия прошлого века.

Прежде всего речь идет о различного рода мемуарах и воспоминаниях, активно используемых ныне при изучении индивидуальных и семейных представлений о прошлом, особенно в рамках истории повседневности. Мемуары начинают составляться разными представителями городского населения

⁶¹ Ле Руа Ладюри Э. Монтайю, окситанская деревня (1294—1324). Пер. с фр. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2001 [1975]. С. 342—345.

⁶² Там же. С. 345.

⁶³ Мид М. Культура и преемственность: Исследование конфликта между поколениями [1970] (гл. 1—2) // Мид М. Культура и мир детства. Пер. с англ. М.: Восточная литература; Наука, 1988. С. 322—361 (с. 326—327).

⁶⁴ См.: Evans-Pritchard E. The Nuer: A Description of the Modes of Livelihood and Political Institutions of a Nilotic People. Oxford: Clarendon Press, 1940.

по меньшей мере с XVI в., и вплоть до XX в. поток мемуарной литературы постоянно нарастал. Но только во второй половине прошлого века в дополнение к стихийному процессу производства мемуаров “снизу” возникла практика целенаправленного сбора индивидуальных воспоминаний профессиональными исследователями. Появилось, в частности, такое направление историографии, как “устная история” новейшего времени, отчасти смыкающееся с социологией и обеспеченное новыми способами обработки информации (звукозапись, перевод в машиночитаемую, а затем и электронную форму и т. д.)⁶⁵.

Понятно, что основной общественный интерес вызывают воспоминания о трагических событиях XX века — войнах, Холокосте, политических репрессиях, голоде, массовых депортациях. Воспоминания людей, переживших эти трагедии, характеризуют не только обыденное знание об относительно недавнем прошлом достаточно больших групп, но и служат важным источником информации о самих этих событиях, существенно дополняющим и меняющим исторические представления, формируемые на основе документов.

Тем не менее, с нашей точки зрения, большинство исследований в этой области пока напоминает любительскую стадию развития исторического знания — тогда коллекционировали древности (предметы материальной культуры), сегодня — воспоминания обычных людей о событиях, получивших статус “исторических”. Кроме того возможности этого источника ограничены. Во-первых, он охватывает представления лишь об относительно недавнем прошлом; во-вторых, он в большинстве случаев связан с ограниченным набором событий; в-третьих, он ориентирован прежде всего на групповые представления, которые могут существенно отличаться от массовых.

Второй источник сведений о массовом знании о прошлом — различного рода контрольные тесты и опросы учащихся школ и высших учебных заведений, ориентированные на проверку степени усвоения ими программ по истории и имеющихся у них “остаточных знаний”, пользуясь терминологией российского Министерства образования. Результаты этих проверок знаний широко обсуждаются в преподавательском сообществе и служат важной основой для корректировок и совершенствования учебных программ по истории⁶⁶.

В США исследования знаний учащихся по истории проводятся раз в несколько лет начиная с 1987 г. в рамках программы NAEP (National Assessment

⁶⁵ См.: Томпсон П. Голос прошлого: Устная история. Пер. с англ. М.: Весь мир, 2003 [1978/2000].

⁶⁶ См., например: Knowing, Teaching, and Learning History: National and International Perspective / Eds. P. Stearns, P. Seixas, S. Wineburg. N.Y.: New York University Press, 2000.

of Education Progress — Национальная оценка прогресса в образовании), реализуемой Национальным центром образовательной статистики при Министерстве образования США и охватывающей все базовые учебные дисциплины⁶⁷. Во второй половине 1990-х гг. масштабная программа оценки знаний учащихся по истории начала реализовываться в Европе по инициативе Европейского союза. В настоящее время эта программа существует в 27 европейских странах⁶⁸. И американские, и европейские обследования охватывают около 30 тыс. учащихся.

Надо сказать, что результаты проверок исторических знаний учащихся как в США, так и в Европе, не очень радуют преподавателей истории. Уже первое обследование, проведенное в США в 1987 г., выявило некоторые удручающие факты. Например, в выпускных классах американских школ (12-й год обучения) один из пяти учащихся считал, что Уотергейт произошел до 1900 г. и лишь одна треть учащихся смогла правильно датировать Гражданскую войну в США хотя бы с точностью до половины столетия!⁶⁹ В целом результаты проверки знаний оказались столь неутешительными, что по результатам последующих обследований широкой публике предоставляются только агрегированные итоги, из которых следует, что 57% учащихся выпускного класса американской школы знают историю только на тройку и на двойку (по нашей системе оценок)⁷⁰.

Об относительно низком уровне исторических знаний учащихся свидетельствуют и другие обследования. Например, в 1988 г. М. Кёрл проверил знание хронологии исторических событий у 200 студентов младших курсов двух университетов (частного и государственного) в южном Техасе. Как пишет Кёрл,

“Уровень исторического невежества был значительным. Даже в элитном частном университете мы обнаружили, что: Русская революция случилась в 1970 г., первое испытание атомной бомбы — в 1915 г., освобождение американских рабов произошло самое раннее в 1830 г., самое позднее — в 1910 г., Китайская народная республика возникла в 1790 г. и в 1880 г., Израиль — в 1810 г., Наполеоновские войны предшествовали Французской революции или были

⁶⁷ О программе NAEP в целом и ее историческом компоненте см.: <http://nces.ed.gov/nationsreportcard/>.

⁶⁸ Описание программы и анализ ее результатов см., например, в: Borries B., von. *Methods and Aims of Teaching History in Europe: A Report on Youth and History // Knowing, Teaching, and Learning History: National and International Perspective*. P. 246—261.

⁶⁹ См.: Ravitch D., Finn C., What Jr. Do Our 17-Year- Olds Know? A Report on the First National Assessment of History and Literature. N. Y.: Harper & Row, 1987.

⁷⁰ National Center for Education Statistics, *National Assessment of Education Progress*, <http://nces.ed.gov/nationsreportcard/pdf/main2001/2002482.pdf>.

совсем недавно — в 1880-е годы, Дарвин писал в XVIII в., а американские женщины получили право голосовать на выборах еще в 1810 г.⁷¹

Основным и наиболее распространенным источником сведений о социальных представлениях являются опросы общественного мнения. Напомним, что опросы появились в США в 1930-е гг. под названием “пробных выборов”. Их проводили американские журналисты популярных газет и журналов без всякой методики (поэтому позднее они получили название “соломенные опросы”). Первые опросы с использованием научной теории выборки и статистических методов обработки полученных данных начал проводить основанный Дж. Гэллапом в 1935 г. Американский институт общественного мнения. Первым практическим результатом работы этого института стало предсказание победы Ф. Рузвельта на президентских выборах 1936 г.

В настоящее время социологический анализ массовых представлений о прошлом также ведется в основном на базе опросов общественного мнения. Такого рода исследования имеют, в частности, существенное значение для современной России, находящейся в стадии формирования национально-государственной идентичности и, соответственно, образа национального прошлого. В частности, Социологический центр Российской академии государственной службы при президенте РФ (ранее — Академия общественных наук при ЦК КПСС) провел три специальных опроса, посвященных массовому историческому сознанию (в 1990, 2001 и 2003 гг.)⁷². Вопросы по историческим представлениям систематически включаются в опросы, проводимые ВЦИОМом (ныне — “Левада-Центр”), в том числе в рамках программы “Советский человек” (1989, 1994, 1999 гг.)⁷³. Эпизодически те или

⁷¹ Kearl M.C. An Investigation into Collective Historical Knowledge and Implications of its Ignorance // Texas Journal of Ideas, History and Culture, 2001, <http://www.trinity.edu/~mkearl/histignr.html>.

⁷² Анализ результатов этих обследований см. в: Меркушин В.И. Историческое сознание: состояние и тенденции развития в условиях перестройки (результаты социологического исследования) // Информационный бюллетень Центра социологических исследований АОН. М., 1991; Тощенко Ж.Т. Историческое сознание и историческая память: анализ современного состояния // Новая и новейшая история. 2000. № 4. С. 3—14; Бойков В.Э. Историческая память российского населения: состояние и проблемы формирования. 2001 (http://www.rags.ru/s_center/opros/istoriya/analiz.shtm); Бойков В.Э., Меркушин В.И. Историческое сознание в современном российском обществе: состояние и тенденции формирования // Социология власти. Вестник Социологического центра РАГС. 2003. № 2. С. 5—22; полные итоги обследований 2001 и 2003 гг. см.: http://www.rags.ru/s_center/opros/istoriya/opros.shtm; http://www.rags.ru/s_center/opros/25.02.2003/index.htm.

⁷³ Анализ результатов “исторического” компонента опросов ВЦИОМ/Левада-Центр см. в: Советский простой человек. Опыт социального портрета на рубеже 90-х / Ред. Ю.А. Левада. М.: ВЦИОМ, 1993; Дубин Б.В. Национализированная память (О социальной травматике массового исторического сознания) // Человек. 1991. № 5. С. 5—13; Дубин Б.В. Прошлое в сегодняшних оценках россиян // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. 1996. № 5. С. 28—34; Дубин Б.В. Конец века // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. 2000. № 4. С. 13—18; Дубин Б.В. Сталин и другие: фигуры

иные вопросы, связанные с историческими представлениями, включаются в опросы других социологических центров, например, Фонда “Общественное мнение”⁷⁴, а также в специальные опросы, проводимые отдельными исследователями⁷⁵.

Но опросы и анализ их результатов, при всей своей важности, не закрывают полностью данную проблематику, о чем свидетельствует, в частности, отсутствие крупных монографических исследований по рассматриваемой теме. Главный недостаток опросов — это то, что в них в лучшем случае выявляются только “конечные результаты”, но практически никак не обнаруживается механизм формирования тех или иных представлений о прошлом.

Впечатляющая критика опросов общественного мнения в целом была дана П. Бурдьё в докладе “Общественное мнение не существует” (1972), в котором он, в частности, поставил под сомнение “три постулата, имплицитно задействованные в опросах”:

“Так, всякий опрос мнений предполагает, что все люди могут иметь мнение или, иначе говоря, что производство мнений доступно всем. Этот первый постулат я оспарю, рискуя задеть чьи-то наивно демократические чувства. Второй постулат предполагает, будто все мнения значимы. Я считаю возможным доказать, что это вовсе не так, и факт суммирования мнений, имеющих отнюдь не одну и ту же реальную силу, ведет к производству лишенных смысла артефактов. Третий постулат проявляется скрыто: тот простой факт, что всем задается один и тот же вопрос, предполагает гипотезу о существовании консенсуса в отношении проблематики, то есть согласия, что вопросы заслуживают быть заданными. Эти три постулата предопределяют, на мой взгляд, целую серию деформаций, которые обнаруживаются даже, если строго выполнены все методологические требования в ходе сбора и анализа данных”⁷⁶.

высшей власти в общественном мнении современной России // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. 2003. № 1, 2; Левинсон А.Г. Значимые имена // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. 1995. № 2. С. 26—29; Левинсон А.Г. Массовые представления об “исторических личностях” // Одиссей. Человек в истории. 1996. С. 252—267; Гудков Л.Д. Русский неотрадиционализм // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. 1997. № 2. С. 25—33; Гудков Л.Д. Победа в войне: к социологии одного национального символа // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. 1997. № 5. С. 12—19; Левада Ю.А. От мнений к пониманию: Социологические очерки. 1993—2000. М.: Московская школа политических исследований, 2000; и др.

⁷⁴ См.: http://bd.fom.ru/cat/societas/image/istoriya_rossii/.

⁷⁵ См., например: Сикевич З.В. Национальное самосознание русских (социологический очерк). М.: Механик, 1996. С. 113—128.

⁷⁶ Бурдьё П. Общественное мнение не существует [1972/1973] // Бурдьё П. Социология политики. Пер. с фр. М.: Socio-Logos, 1993. С. 159—177 (с. 161).

К сожалению, концептуальное качество большинства опросов на интересующую нас тему не очень высоко, и получаемые в итоге данные оказываются не слишком информативными с точки зрения целей нашего исследования. Это, впрочем, неудивительно, поскольку опросы общественного мнения ориентированы на другие (прежде всего идейно-политические) задачи, что отражается и в подходе к изучению массовых исторических представлений. С учетом этих оговорок рассмотрим кратко наиболее интересные и в то же время типичные результаты опросов, проводившихся в России в последние 15 лет. Кроме того для сопоставления мы используем результаты некоторых опросов общественного мнения, проводившихся в этот период в США.

Сферы интересов

Прежде всего следует отметить, что по данным опросов Социологического центра РАГС, примерно 3/4 российских респондентов заявляют, что они интересуются прошлым России, в том числе 1/3 утверждает, что российское прошлое их “очень интересует”⁷⁷. Причины, по которым россияне интересуются прошлым, достаточно разнообразны, но преобладают, естественно, любительские или конъюнктурные интересы (табл. 4). Из числа тех, кто говорит о том, что он интересуется историей, только 14% прокламируют интерес к историческим знаниям как таковым, для большинства же сведения о прошлом служат относительно утилитарным целям. На обыденном уровне знания о прошлом, как мы попытаемся показать ниже, являются прежде всего средством ориентации во времени и в социальном пространстве, основой для самоидентификации, причем в России — в первую очередь идентификации национально-государственной.

Важной характеристикой обыденного знания о прошлом является его распределение по различным сферам интересов, от семейного прошлого до всемирного. Весьма показательны с этой точки зрения результаты опроса, проведенного в США в 1997 г. Для американцев основным объектом интереса является семейное прошлое (2/3 опрошенных), на втором месте с большим отрывом идет национальное прошлое (22% опрошенных), а все остальное “прошлое” фактически не существует, в том числе локальная история (ей интересуется 4% опрошенных)⁷⁸.

К сожалению, нам не удалось обнаружить аналогичный опрос по России. Но некоторое соответствие можно найти в результатах опросов, прово-

⁷⁷ Здесь и далее мы используем результаты опросов взрослого населения (18 лет и старше).

⁷⁸ США, телефонный опрос, 1997 г. N = 800; выбор из предложенного списка, один вариант ответа; Rozenzweig R., Thelen D. The Presence of the Past: Popular Uses of History in American Life. N.Y.: Columbia University Press, 1998 (table 1.4).

Таблица 4. РФ: Если Вас интересует историческое прошлое, то с чем это связано? (выбор из списка, несколько вариантов ответа, % опрошенных)

Варианты ответов	1990 г.	2003 г.
С желанием расширить кругозор	30	46
С потребностью узнать и понять корни своей страны и своего народа	28	37
С желанием знать уроки истории, опыт предшествующих поколений	17	н.д.
Со стремлением найти в истории ответы на злободневные вопросы	14	21
С желанием узнать правду о прошлом	41	н.д.
С недоверием к разным публикациям и спорами на исторические темы	н.д.	19
С увлечением историей	н.д.	14

Источник: опросы Социологического центра АОН/РАГС. РФ, 1990 г. N = 2200; 2003 г. N = 1950.

дившихся Социологическим центром АОН/РАГС⁷⁹. Прежде всего, поражает необычайно низкий уровень интереса к семейному прошлому и, соответственно, уровень знаний о нем. Согласно данным опроса 1990 г., на вопрос “Составлялась ли в Вашей семье родословная?” только 7% респондентов дали положительный ответ. Большинство респондентов плохо знают уже имена своих прадедов, а дальше, как в деревне майя, описанной Р. Редфилдом и А. Вилла Рохасом, или в Монтайю, описанной Э. Ле Руа Ладюри, начинается “темное” семейное прошлое.

Судя по имеющимся косвенным данным, значительно более важную роль, чем семейная история, играет в российском обыденном знании о прошлом локальная, региональная и этническая история. Интерес к этим трем уровням знания распределен примерно одинаково (табл. 5). Наиболее значима роль национально-государственного прошлого, а мировая история, наоборот, практически выпадает из сферы интересов. Интересно, что хотя национально-государственная идентификация является одним из главных мотивов к получению знания о прошлом, россияне для этого совершенно не нуждаются в знании всемирной истории, а вполне удовлетворяются историей национальной. Впрочем, как мы увидим далее, точно такая же ситуация наблюдается, например, и в США.

В хронологической перспективе обыденные знания о прошлом в основном связаны с новейшей историей. Например, при выборе выдающихся исторических личностей более половины всех называемых имен приходится

⁷⁹ Источник: опрос Социологического центра РАГС. РФ, 2001 г., N = 2400.

Таблица 5. РФ: Как Вы оцениваете свои знания истории?
(выбор из списка, % опрошенных)

Уровни истории	Знаю хорошо		Знаю посредственно; не очень хорошо		Знаю плохо, затрудняюсь с ответом	
	1990 г.	2003 г.	1990 г.	2003 г.	1990 г.	2003 г.
История Вашего города, села	17	н.д.	58	н.д.	25	н.д.
История Вашей области, края или республики в составе России	н.д.	14	н.д.	55	н.д.	31
История Вашей нации или народа, проживающего в России	14	15	50	55	36	30
История России	17	21	56	65	27	14
Всеобщая история	3	н.д.	38	н.д.	59	н.д.

Источник: опросы Социологического центра АОН/РАГС. РФ, 1990 г. N = 2200; 2003 г. N = 1950.

на XX в. (табл. 6). По мере удаления в прошлое объем знаний начинает быстро убывать, но эта тенденция не является линейной. Так, у россиян практически отсутствуют знания о периоде I–X вв. н. э., но примерно равный небольшой объем знаний имеется по периодам XI–XV вв. н. э. и I–VI вв. до н. э. (знания о более раннем периоде практически отсутствуют).

Таблица 6. СССР/РФ: Назовите десять самых выдающихся людей всех времен и народов
(открытый вопрос, число названных имен по столетиям)

Век	1989 г.	1994 г.	Век	1989 г.	1994 г.	Век	1989 г.	1994 г.
XX	62	83	X	—	—	I до н.э.	2	2
XIX	17	34	IX	—	—	II	—	—
XVIII	10	14	VIII	—	—	III	1	1
XVII	2	6	VII*	1	1	IV	3	4
XVI	5	7	VI	—	—	V	2	1
XV	1	3	V	—	—	VI	1	3
XIV	2	2	IV	—	—	VII	—	—
XIII	2	2	III	—	—	VIII***	—	1
XII	1	1	II	—	—	IX	—	—
XI	2	2	I**	1	1	X	—	—

* Мухаммед; ** Иисус Христос; *** Гомер (условная датировка).

Источник: опросы ВЦИОМ/Левада-Центр. 1989 г. СССР, N = 2700, всего названо 115 имен; 1994 г. РФ, N = 3000, всего названо 168 имен.

Помимо общего смещения знаний о прошлом в пользу новейшей истории, которое обусловлено отмеченными выше массовыми прагматическими когнитивными интересами, распределение знаний о прошлом по периодам определяется и рядом более сложных обстоятельств — прежде всего длительностью национальной истории, а также сферой или объектом знаний (в частности, знания по политической истории и истории культуры распределяются во времени разным образом). Наконец, хронологическое распределение знаний зависит от содержательных характеристик самих исторических периодов, среди которых естественным образом выделяются более и менее значимые (важные) в соответствии с массовыми представлениями.

Сведения о тематике познавательных интересов, а тем самым и косвенную информацию о структуре обыденных знаний о прошлом дают данные табл. 7. Интерес к прошлому реализуется прежде всего на уровне исторических личностей, т. е. обыденные знания о прошлом во многом являются персонафицированными, привязанным к отдельным историческим фигурам. По областям доминирует интерес к истории государства в ее различных аспектах (политическом, военном, экономическом); существенно меньший интерес вызывает история культуры.

Таблица 7. РФ: Что в истории России вызывает у Вас наибольший интерес? (выбор из списка, несколько вариантов ответа, % опрошенных)

1990 г.		2001 г.	
Жизнь выдающихся ученых, полководцев, деятелей культуры	48	Великие люди российской истории	52
Жизнь и деятельность царей, ханов, князей	29		
История Древней Руси, становление централизованного государства	37	Экономическое развитие страны	33
История советского общества	20	События военной истории	31
История освободительного и революционного движения	10	Становление и развитие российского государства	28
		Социально-политические потрясения	21
Жизнь, быт, обычаи, традиции, устное народное творчество	27	Достижения в литературе или искусстве, в науке или технике	27
История народов нашей страны	22	Развитие религий	13
История религиозных движений и учений	17		

Источник: опросы Социологического центра АОН/РАГС. РФ, 1990 г. N = 2200; 2001 г. N = 2400.

Прежде чем перейти к более конкретному анализу содержания обыденного знания о прошлом, следует оговориться, что в настоящее время здесь ощущается острая нехватка эмпирических данных. Объем проведенных социологических исследований в этой области крайне невелик, и имеющаяся информация имеет весьма поверхностный характер. При проведении многих опросов сведения о характере массовых представлений о прошлом играют второстепенную роль и как правило подчинены иным задачам, которые ставят перед собой организаторы опроса — изучение внутри- и внешнеполитических представлений, национальных и этнических установок и т. д. В силу этого большинство вопросов имеет крайне схематизированную форму или подталкивает респондентов к схематизированным и упрощенным ответам. Нельзя не упомянуть и о низком социологическом качестве многих вопросов, формулировки которых часто содержат различного рода подсказки, акценты и т. д., ведущие к смещению получаемых результатов.

Приведем лишь два примера. Одними из наиболее популярных (у социологов) якобы “исторических” вопросов являются вопросы типа “назовите самую великую историческую личность”, “главного злодея в истории”, “личность, которая вызывает у Вас наибольшее уважение” и т. д. В тех случаях, когда респондентам предлагают открытый вопрос и просят выбрать одну самую великую личность на протяжении всей истории человечества, последнего тысячелетия или даже последнего столетия, то даже для относительно ограниченной сферы — политики, науки и т. д. — задача оказывается непосильной для большинства нормальных людей. В такого рода вопросах процент “социологического брака”, т. е. доля респондентов, затруднившихся с ответом, достигает 40% и более от числа опрошенных, однако подобные вопросы продолжают задаваться с упорством, достойным лучшего применения.

Вторая наиболее популярная у социологов группа вопросов — “назовите самое важное историческое событие” или “оцените важность предлагаемых исторических событий”. Здесь часто предлагается фиксированный набор неких событий, причем формулировка вопроса обычно неявно предполагает, что раз эти события включены в список, они в любом случае являются важными. Более того, иногда этот набор предлагается не в механическом (хронологическом, алфавитном и т. д.) порядке, который для ясности должен специально оговариваться при формулировке вопроса, а в некоей тенденциозно заданной очередности, в результате чего оценки значимости просто коррелируют с порядковым номером перечисляемых событий⁸⁰.

⁸⁰ Характерный пример такой некорректной методики — опрос, проведенный службой Гэллупа в США в ноябре 1999 г. (описание методики и результаты опроса см.: <http://www.pollingreport.com/20th.htm>). К сожалению, ссылки на этот опрос встречаются и в нашей профессиональной социологической литературе.

Впрочем, если смотреть на опросы общественного мнения с социологически-философской точки зрения, то можно считать, что стереотипные формулировки вопросов, предназначенных выявлять массовые представления о прошлом, сами демонстрируют стереотипы, характерные для массового сознания в целом, в том числе и среди специалистов по опросам общественного мнения...

Если говорить серьезно, то имеющиеся эмпирические данные не позволяют пока судить об обыденном знании о прошлом в сколько-нибудь полном объеме. Речь может идти лишь о выявлении неких наиболее явных “опорных точек”, образующих, условно говоря, видимые “надводные вершины” социальных (массовых) представлений, основная часть которых пока остается скрытой от глаз исследователей.

В аналитических целях обыденные представления о прошлом мы разделим на две части — первая относится к социальной системе (политическая, военная, социальная и экономическая история), вторая — к системе культуры. Как свидетельствуют опросы общественного мнения, эти две области по-разному структурируются на уровне массового сознания.

“Политическая память”

Анализ результатов различных социологических опросов позволяет сделать вывод о том, что представления о прошлом политической и социально-экономической подсистем структурируются на трех уровнях: значимых исторических периодов, исторических событий и исторических личностей. При этом на всех трех уровнях могут существовать позитивные и негативные оценки, связанные с ценностно-эмоциональным подходом. Эти три уровня структуризации взаимосвязаны, но не всегда однозначным образом.

В российском обыденном сознании исторические периоды традиционно связаны с правлением тех или иных глав государства. Это же относится и к значимым историческим личностям — среди них традиционно высок удельный вес правителей. При этом в одних случаях наблюдаются однотипные представления (оценки), своего рода общенациональный консенсус, в других — мы сталкиваемся с сильной поляризацией представлений о прошлом, идет ли речь об исторических событиях или о политических деятелях.

Структура представлений российских граждан о прошлом довольно сильно различается для XX столетия и предшествующего времени, поэтому мы рассмотрим их отдельно.

Судя по данным опросов, вся российская история до XX в. представлена на уровне массового сознания довольно скудно (табл. 8). Здесь выделяются два значимых периода — время правления Петра I и Екатерины II, причем период правления Петра I является абсолютно доминирующим по значимости на протяжении всей российской истории, включая XX в. В качестве

значимых выделяются всего три события: Куликовская битва/освобождение от монголо-татарского ига, Отечественная война 1812 г. и отмена крепостного права, среди которых относительно чуть большее внимание привлекает война с Наполеоном. О месте этих исторических эпизодов в массовом сознании свидетельствует также их включение в список событий, составляющих предмет национальной гордости. Точно так же объектами национальной гордости являются периоды правления Петра I и Екатерины II, вне связи с какими-либо конкретными историческими событиями.

Необычайно странную картину являет собой список наиболее значимых для периода до XX в. исторических личностей, хотя бы потому, что он слабо связан с наборами значимых периодов и событий (если не считать правления и личности Петра I). В эпоху Киевской Руси вообще не выделяется никаких личностей, в период монголо-татарского ига практически не вспоминается Дмитрий Донской, не говоря уже об Иване III, в XIX в. отсутствуют и Александр I, и Александр II.

На формирование пантеона исторических персонажей в советские времена существенное влияние, как известно, оказал выбор Сталина и реализовавшие его кинофильмы: “Александр Невский” (1938), “Иван Грозный” (1944), “Минин и Пожарский” (1939), “Петр Первый” (1937–1938), “Суворов” (1940), “Адмирал Ушаков” (1953), “Адмирал Нахимов” (1946), “Кутузов” (1943). В настоящее время популярность некоторых персонажей или фактически сошла на нет (Иван IV, Нахимов, Ушаков), или сильно уменьшилась (Александр Невский, Кутузов). В то же время популярность Петра I и Суворова, наоборот, выросла, в результате чего самой значимой личностью в эпоху Екатерины II оказывается не сама императрица, а Суворов.

Обыденные представления россиян об истории XX в. выглядят немногим более сложными и комплексными (табл. 9). Максимально позитивную оценку в целом имеют времена Хрущева и особенно Брежнева, в то время как периоды правления других руководителей страны оцениваются скорее негативно. Несколько более разнообразным, чем для периода до XX в., является и набор значимых политических фигур: помимо российских правителей и военачальников (Жуков) он включает Столыпина и Сахарова, а также несколько иностранцев, прежде всего связанных со Второй мировой войной (Гитлер, Рузвельт, Черчилль). Из послевоенных иноземных политических деятелей самой значимой фигурой почему-то является М. Тэтчер. С точки зрения динамики массовых представлений можно отметить наблюдаемое в последние годы увеличение популярности Сталина и Брежнева и снижение популярности Николая II, Столыпина и Сахарова.

Набор значимых исторических событий XX в. включает прежде всего войны (Первая мировая, Вторая мировая/Великая Отечественная, война в Афганистане и в Чечне). Абсолютно доминирующим событием является, конечно, Великая Отечественная война и связанные с ней события (прежде всего, победа, но

Таблица 8. РФ: Оценка значимости исторических периодов, событий и личностей, IX–XIX вв., % опрошенных

Периоды	(1)	События	(2)	Личности	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)
IX–XII вв.	26		–	–	–	–	+	–	+/-
XIII–XV вв.	н.д.	Куликовская битва, освобождение от монголо-татарского ига	3	Александр Невский Дмитрий Донской	–	5	81	0	81
XVI–XVII вв.	13		–	Иван Грозный	–	2	43	18	25
XVIII в.	н.д.		–						
Эпоха Петра I	1689–1725		16	Петр I	41	24	90	1	89
Эпоха Екатерины II	1762–1796		3	Суворов Екатерина II	18	14	89	0	89
XIX в.	18	Отечественная война 1812 г.	6	Наполеон	14	–	–	–	–
		Отмена крепостного права	2	Кутузов	11	8	н.д.	н.д.	н.д.
				–	–	–	–	–	–

1) «Какие эпохи в истории России особенно интересны для Вас?» (выбор из списка, возможно несколько вариантов ответа), опрос Социологического центра РАГС, 2001 г., N = 2400;

2) «Какими достижениями в истории России, по Вашему мнению, можно гордиться?» (открытый вопрос, возможно несколько вариантов ответа), опрос Социологического центра РАГС, 2003 г., N = 1950;

3) «Назовите 10 самых выдающихся людей всех времен и народов» (открытый вопрос, приведены данные по историческим личностям рассматриваемых периодов из числа имен, набравших 4% и более голосов), опрос ВЦИОМ/Левада-Центр, 1994 г. = 3000;

4) «Как Вы считаете, кто из российских военачальников за всю историю государства российского принес наибольшую славу нашему Отечеству?» (выбор из списка), опрос ВЦИОМ/Левада-Центр, 1998 г. = 1600;

5–7) «Как Вы оцениваете роль следующих государственных деятелей и военачальников в судьбе России?» (выбор из списка, варианты ответов: в основном положительная, незначительная, в основном отрицательная), опрос Социологического центра РАГС, 2003 г., N = 1950;

5) «В основном положительная»; 6) «В основном отрицательная»; 7) Разность положительных и отрицательных оценок.

Таблица 9. РФ: Оценка значимости исторических периодов, событий и личностей, XX в., % опрошенных

Периоды	(1)	(2)	(3)	Личности		(4)	(5)	(6)	События		(7)	(8)	(9)	(10)
	+	-	+/-					+/-					+	-
1894–1917				Николай II		5	0	12	Первая мировая война		2	18		
				Столыпин		6	1							
1917–1924	28	36	-8	Ленин		33	9	12	Революция 1917 г.		3	64	3	10
1924–1953	26	48	-22	Сталин		20	11	-5	Сталинские репрессии		1	11		19
				Жуков		14	0		Вторая мировая / Великая Отечественная война		35			
				Питлер		7	1		Начало войны					3
				Рузвельт		3	3		Победа в войне			85	35	
				Черчилль		3			Бомбардировка Японии		2			
1953–1964	30	14	16	Хрущев		5	2		Полет Гагарина			54	8	
1964–1984	51	10	41	Брежнев		6	3	3	Война в Афганистане		5	21*		6
				Андропов			1							
1985–1991	9	61	-52	Горбачев		7	5	-28	Авария в Чернобыле		9	32		
				Сахаров		13	2		Перестройка			16		
				Тэтчер			5		Развал СССР		4			15
1991–1999	5	72	-67	Ельцин			2	-40	Переход к демократии и частной собственности				2	2**
									Война в Чечне		13			14

* Ввод войск в Афганистан; ** Приватизация.

1–3) «Какой из перечисленных ниже периодов отечественной истории XX века прине стране, народу больше хорошо, а какой — больше плохо?» (выбор из списка, варианты ответов: больше хорошо; больше плохо); опросы ВЦИОМ/Левада-Центр, 1999 г. N = 1950; 1) «Больше хорошо»; 2) «Больше плохо»; 3) Разность положительных и отрицательных оценок;

4) Назовите 10 самых выдающихся людей всех времен и народов» (открытый вопрос, приведены данные по историческим личностям рассматриваемых периодов из числа имен, набравших 4% и более голосов), опрос ВЦИОМ/Левада-Центр, 1994 г. N = 3000;

5) «Самый выдающийся политик XX века?» (открытый вопрос, один вариант ответа), опрос ВЦИОМ/Левада-Центр, 1998 г. N = 1600;

6) «Как Вы оцениваете роль следующих государственных деятелей и военачальников в судьбе России?» (выбор из списка, варианты ответов: в основном положительная, незначительная, в основном отрицательная; приводится разность положительных и отрицательных оценок), опрос Социологического центра РАГС, 2003 г. N = 1950;

7) «Что бы Вы назвали самым трагическим событием XX века?» (открытый вопрос, один вариант ответа), опрос ВЦИОМ/Левада-Центр, 1998 г. N = 1600;

8) «XX век богат событиями для нашей страны. Какие из них Вы назвали бы самыми значительными?» (выбор из списка, возможно несколько вариантов ответа), опрос ВЦИОМ/Левада-Центр, 1999 г. N = 1950;

9) «Какими достижениями в истории России, по Вашему мнению, можно гордиться?» (открытый вопрос, возможно несколько вариантов ответа), опрос Социологического центра РАГС, 2003 г. N = 1950;

10) «Какие события в истории России вызывают у Вас горечь и стыд?» (открытый вопрос, возможно несколько вариантов ответа), опрос Социологического центра РАГС, 2003 г. N = 1950.

также отступление 1941 г., Сталинградская битва, атомная бомбардировка Хиросимы/Нагасаки). Интересно, что Гражданская война, после короткого всплеска интереса к “белогвардейской” тематике в конце 1980-х — начале 1990-х гг., практически выпала из набора значимых для массового сознания событий.

Помимо войн важными событиями являются революция 1917 г. и события, связанные с крушением социализма (перестройка, распад СССР, переход к демократии и частной собственности). При этом в оценке обоих революционных периодов преобладают негативные эмоции. Наконец, к числу важнейших относятся и столь разные события, как полет Гагарина и авария в Чернобыле. С точки зрения динамики массовых представлений в последние годы увеличивается и без того высокая оценка Великой Отечественной войны, а также полета Гагарина, в то время как значимость всех остальных событий постепенно уменьшается (исключение составляет, естественно, война в Чечне, которая, увы, еще не стала прошлым).

Содержание массового исторического сознания в огромной степени определяется, естественно, конкретным национальным опытом. Так, в исторической литературе можно найти немало размышлений, основанных на сопоставлении отношения к прошлому европейцев и североамериканцев. Как отмечает Р. Хайлбронер, американцы в этом вопросе не демонстрировали характерной для европейской мысли склонности к трагическому восприятию, потому что “они никогда не разделяли с Европой знания трагедии как аспекта, неотделимого от истории”⁸¹. В том же духе пишет Л. Харц: “Прошрое было для американцев благоприятным, и они это знали”⁸².

При сопоставлении обыденных представлений о политической истории граждан России и США в глаза бросаются, конечно, существенные различия в наборе значимых исторических событий и политических деятелей. Однако существуют и важные сходные черты. Во-первых, “всемирная история” в массовом сознании остается прежде всего национальной историей. Во-вторых, значимыми событиями являются войны, прежде всего Вторая мировая война, а также революции (табл. 10).

Политическая история для граждан США начинается, естественно, только с конца XVIII в., т. е. с процесса образования Соединенных Штатов и комплекса связанных с этим событий (Американская революция, Война за независимость, Декларация независимости, принятие Конституции) и личностей (прежде всего Вашингтона и Джефферсона). Ключевые события XIX в. — Гражданская война и отмена рабства, соответствующая ключевая фигура этого периода — Линкольн. Занятно, что в ответах респондентов Линкольн порой фигурирует и среди самых выдающихся политиков XX в., хотя, как известно, он был убит в 1865 г. (это к вопросу об уровне исторических знаний).

⁸¹ Heilbroner R.L. The Future as History. N.Y.: Grove Press Inc., 1961. P. 51.

⁸² Харц Л. Либеральная традиция в Америке. Пер. с англ. М.: Прогресс, 1993 [1955]. С. 53.

Таблица 10. США: Оценка значимости исторических периодов, событий и личностей, % опрошенных

Периоды	События	(1)	Политики и общественные деятели	(2)	(3)	(4)	Восначальники	(5)
Конец XVIII — первая пол. XIX в.	Война за независимость* Американская революция*		Дж. Вашингтон Т. Джефферсон	12		6	Дж. Вашингтон Наполеон	4 5
Вторая пол. XIX в.	Гражданская война* Отмена рабства*		А. Линкольн	12	3	12		
Первая пол. XX в.	Экономическая депрессия 1930-х гг. Вторая мировая война; Перл Харбор, Хиросима/Нагасаки	4 20	Ф. Д. Рузвельт У. Черчилль А. Гитлер	3 3	8 5	7	Д. Эйзенгауэр Дж. Паттон Д. МакАртур	14 10 6
Вторая пол. XX в.	Убийство Дж. Ф. Кеннеди Гражданские права (Акт о гражданских правах) Деятельность Мартина Лютера Кинга или его убийство Освоение космоса Война во Вьетнаме Падение коммунизма Конфликт в Персидском заливе 1990—1991 гг.	11 14 3 15 11 33 7	Дж. Ф. Кеннеди Мартин Лютер Кинг Р. Рейган Б. Клинтон	3 4	11 7	13 4	К. Пауэлл Н. Шварцкопф	11 5

* Оценка по косвенным данным.

1) На протяжении последних 60 лет — скажем, примерно с 1930-х годов и до сегодняшнего дни — произошло много национальных и мировых событий и изменений. Назовите, пожалуйста, одно или два события или изменения, которые кажутся Вам наиболее существенными” (открытый вопрос, возможно до 4-х вариантов ответа), National Opinion Research Center. General Social Survey 1993, N=1600, <http://www.spranda.org/data/a00006.html>; корректные ответы, охватывающие более длительный период, мы не обнаруживали;

2) “Назовите самую выдающуюся историческую личность за последние тысячу лет” (открытый вопрос, один вариант ответа, в таблице приводятся политические и общественные деятели), ABC News Poll, 1999, N=500;

3) “Назовите самую выдающуюся историческую личность XX века” (открытый вопрос, один вариант ответа, в таблице приводятся политические и общественные деятели), ABC News Poll, 1999, N=500;

5) “Назовите самую выдающуюся историческую личность за последние тысячу лет в области политики и управления государством” (открытый вопрос, один вариант ответа), ABC News Poll, 1999, N=500;

5) “Назовите самую выдающуюся историческую личность за последние тысячу лет в военной области” (открытый вопрос, один вариант ответа), ABC News Poll, 1999, N=500;

Источники 2–5): <http://www.pollingreport.com/20th.htm>.

Ключевое событие первой половины XX в. для американцев — Вторая мировая война и связанные с ней личности, как политические фигуры (Рузвельт, Черчилль, Гитлер), так и военачальники (Эйзенхауэр, Паттон, Макартур). С точки зрения массового сознания особенно насыщенным значимыми событиями был период 1960-х — начала 1970-х гг. (борьба за гражданские права, высадка американских космонавтов на Луне, война во Вьетнаме), а ключевыми фигурами этого периода являются Дж. Кеннеди и Мартин Лютер Кинг.

Конец 1980-х — начало 1990-х гг. маркируются крушением социализма (коммунизма, по американской терминологии) и первой войной с Ираком. Ключевые фигуры — Рейган в политике и Пауэлл и Шварцкопф — в военной области. Понятно также, что важнейшими историческими событиями в начале XXI в. стали для американцев террористические акты 11 сентября 2001 г. и вторая война в Ираке.

До сих пор мы говорили в основном о военно-политической и социально-политической истории. Что касается экономической истории, которая, судя по данным опросов, привлекает достаточно большое внимание населения, то здесь почти нет эмпирических данных, если не считать включение небольшим числом респондентов в наиболее значимые события XX в. голода 1932–1933 гг. в СССР и Великой депрессии 1930-х гг. в США. В качестве иллюстрации можно привести лишь мнение американцев о наиболее выдающихся представителях делового мира (неудивительно, что все они оказались американцами)⁸³.

Этот набор включает двух “классических” предпринимателей второй половины XIX в. (Эндрю Карнеги — 2% опрошенных и Джон Д. Рокфеллер — 6%), одного — первой половины XX в. (Генри Форд — 6%), одного — периода 1970–1980-х гг. (Ли Якокка — 2%) и двух современников (Дональд Трамп — 5% и Билл Гейтс — 33%), причем Билл Гейтс является абсолютным лидером бизнеса. Интересно распределение называемых имен по сферам бизнеса (что косвенно отражает историческую значимость тех или иных секторов экономики с массовой точки зрения): представлена сталелитейная промышленность (Карнеги), нефть и банки (Рокфеллер), автомобильная промышленность (Форд, Якокка), строительство, отели, игорный бизнес (Трамп), компьютерные программы (Гейтс).

“Культурная память”

В отличие от политической, военной и социально-экономической истории, где в опросах фигурируют не только личности, но и значимые перио-

⁸³ США: “Назовите самую выдающуюся историческую личность за последнюю тысячу лет в области бизнеса” (открытый вопрос, один вариант ответа, % опрошенных), ABC News Poll, 1999, N = 500, <http://www.pollingreport.com/20th.htm>.

ды и исторические события, представления о прошлом в области культуры в опросах общественного мнения, к сожалению, определяются только на уровне имен деятелей культуры и науки (хотя, может быть, это и соответствует обыденным представлениям).

Набор выдающихся личностей в каждой из областей культуры в широком смысле довольно стандартен. В качестве примера приведем результаты опроса 1989 г. в СССР (табл. 11). Если не считать идеологических смещений, связанных с именами Маркса и Энгельса, в остальном приведенный набор имен воспроизводится и в большинстве последующих опросов.

Таблица 11. СССР: Назовите десять самых выдающихся людей всех времен и народов (открытый вопрос, % от числа опрошенных)*

Личности		Личности	
Естествознание		Обществознание	
Ньютон	7	Маркс	36
Ломоносов	16	Энгельс	18
Дарвин	7	Литература	
Менделеев	12	Пушкин	21
Павлов	6	Лермонтов	4
Эйнштейн	10	Шевченко	8
Космос		Л. Толстой	12
Циолковский	10	Горький	4
Королев	7	Музыка	
Гагарин	14	Чайковский	5

* Приведены личности, относящиеся к указанным в таблице областям, из общего списка исторических личностей, набравших 4% и более голосов. Упорядочено по датам жизни.

Источник: опрос ВЦИОМ/Левада-Центр, СССР, 1989 г. N = 2700; Советский простой человек. Опыт социального портрета на рубеже 90-х / Ред. Ю.А. Левада. М.: ВЦИОМ, 1993. С. 283.

Как можно заметить, за исключением Маркса и Энгельса в этом списке нет представителей философии и общественных и гуманитарных наук. Представления о науке в России традиционно смещены в пользу естествознания (табл. 12).

Оставляя в стороне немного странный набор предлагавшихся респондентам имен, а также именование философов “учеными”, отметим, что сдвиг в пользу естествознания выглядит вполне естественно: в английском языке, например, под наукой (science) понимается именно естествознание, в то время как другие области знания доопределяются или называются иначе

Таблица 12. СССР: Выберите из предложенного списка имена тех ученых, которых Вы могли бы назвать наиболее выдающимися* (выбор из списка, возможно несколько вариантов ответов, % опрошенных, выделивших данную личность в качестве выдающейся)

Период	Естествознание	Обществознание	Марксизм
Античность		Платон 7	
		Плутарх 2	
XVII–XVIII вв.	Ньютон 33	Кант 6	
		Карамзин 4	
XIX в.	Дарвин 37	Ницше 2	Маркс 51
	Менделеев 54		Плеханов 8
XX в.	Павлов 29	Фрейд 5	Ленин 72
	Циолковский 49		
	Эйнштейн 38		

* Личности упорядочены по датам жизни.

Источник: опрос ВЦИОМ/Левада-Центр, СССР, 1989 г. N = 2700; Советский простой человек. Опыт социального портрета на рубеже 90-х / Ред. Ю.А. Левада. М.: ВЦИОМ, 1993. С. 293.

(social sciences, humanities). К сожалению, формулировки вопроса не позволяют получить более точное представление о характере обыденного знания в интересующей нас области.

Смещение оценок прошлого и, в частности, роли тех или иных личностей в истории, естественно имеет национальный характер, что отражает доминирующую роль национально-государственной историографии в современном образовании. Подобные смещения проявляются в области культуры лишь ненамного слабее, чем в сфере политики и в военной области. При этом можно высказать осторожную гипотезу: судя по некоторым косвенным данным, в обыденном знании о прошлом в российском обществе, видимо, переоценивается вклад России и отдельных ее представителей (ученых, писателей и других деятелей культуры) в мировое развитие (табл. 13)⁸⁴.

Также, видимо, можно с достаточно большой вероятностью говорить о смещениях в оценке значимости вклада в мировую науку/культуру как по областям деятельности, так и по персоналиям. Очевидно музыканты играют в обыденном сознании гораздо меньшую роль в формировании образа культуры прошлого, чем ученые и писатели (что отражается и в характере

⁸⁴ К сожалению, вопросы такого типа, как отмечалось выше, ведут к сильным смещениям в ответах: во-первых, сам список подразумевает, что в него включено нечто важное; во-вторых, ответы зависят от субъективного набора представленных для оценки рубрик (личностей и т. д.); в-третьих, большую роль играет порядок перечисления предлагаемых респондентам рубрик.

Таблица 13. РФ: Как Вы думаете, какое влияние оказала Россия и ее представители на мировое развитие?* (выбор из списка; варианты ответов: большое влияние, не очень большое влияние, никакого влияния; % ответивших “большое влияние”)

Области деятельности		Ученые, конструкторы		Писатели	
В области науки	78	Ломоносов	90	Пушкин	92
В области культуры — литературы, музыки, живописи и др.	71	Менделеев	93	Достоевский	71
		Циолковский	85	Л. Толстой	84
В области защиты социальных прав человека	10	Королев	79	Горький	51
				Шолохов	51

* Личности упорядочены по датам жизни.

Источник: опрос Социологического центра РАГС, РФ, 2001 г. N = 2400.

задаваемых вопросов). Весьма интересны и смещения в оценке роли отдельных личностей. Судя по приведенным выше данным, россияне продолжают свято верить в выдающийся вклад Ломоносова и Пушкина в мировую науку и литературу. Ну ладно Пушкин — о проблемах перевода поэзии на иностранные языки широкие массы населения могут не задумываться. Но Ломоносов — это уж совсем удивительный случай, и причины отнесения его к великим ученым, оказавшим большое влияние на мировую науку, требуют специального исследования.

Национальные смещения в представлениях о развитии мировой науки и культуры достаточно универсальны, о чем свидетельствуют, например, результаты опросов общественного мнения в США. Но в целом наука, культура, религия все же немного более интернациональны, чем политика, военное дело и экономика. В некоторых областях в представлениях американцев имеются явные доминирующие фигуры: в географических открытиях — Колумб, в естественных науках — Эйнштейн, в медицине — Йонас Солк (изобретатель первой вакцины от полиомиелита), в литературе — Шекспир. В других сферах предпочтения не столь однозначны: в области музыки лидерами американского общественного мнения являются Моцарт и Бетховен, в области религии — мать Тереза, Билли Грэм (американский проповедник) и папа Иоанн Павел II⁸⁵.

В заключение вернемся еще раз к вопросу о сферах когнитивных интересов в области знания о прошлом. Можно предположить, что степень интереса к тем или иным компонентам прошлого зависит от оценки степени важности, значимости того или иного компонента. Это, конечно, не означает, что существует прямая связь между оценкой значимости и уровнем

⁸⁵ Источник: ABC News Poll, 1999, N = 500, <http://www.pollingreport.com/20th.htm>.

знаний о каком-то явлении, но косвенное влияние здесь, видимо, все же проявляется. Поэтому приведем еще раз оценки значимости тех или иных компонентов прошлого в российском массовом сознании (табл. 14), сгруппировав их по условным рубрикам.

Таблица 14. РФ: Какими достижениями в истории России, по Вашему мнению, можно гордиться? (открытый вопрос, возможно несколько вариантов ответов, % опрошенных)

Варианты ответов	2001 г.	2003 г.	Прирост, п.п.
Государственная мощь			
Эпоха Петра I	5	16	+9
Эпоха Екатерины II	1	3	+2
Период существования СССР	2	3	+1
Военные победы			
Великие победы	7	8	+1
Освобождение от татаро-монгольского ига	–	2	+2
Отечественная война 1812 г.	–	6	+6
Победа в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.)	23	35	+12
Социально-экономические реформы			
Отмена крепостного права	1	2	+1
Октябрьская революция 1917 г.	1	3	+2
Перестройка, переход к демократии и частной собственности	1	2	+1
Космонавтика			
Космонавтика	33	11	–22
Полет в космос Ю. Гагарина	5	8	+3
Наука и техника			
Наука и НТП	16	9	–7
Военные технологии, вооружение	7	–	–7
Культура и искусство			
Культура, искусство	14	5	–9
Балет	1		–1
Другое			
Спорт	3	2	–1
Советская система образования	2	–	–2
Великие личности	3	2	–1

Источник: опросы Социологического центра РАГС, РФ, 2001 г. N = 2400; 2003 г. N = 1950.

Очевидно, что в целом оценка значимости и, соответственно, интерес к “политическому” прошлому выше, чем к “культурному”, причем этот раз-

рыв увеличивается (значимость “политики” возрастает, а “культуры” — уменьшается). При этом в сфере “политики” доминирующими являются собственно военно-политические компоненты, в то время как социально-экономические компоненты находятся на периферии обыденного интереса к прошлому. В любом случае можно говорить о снижении оценок значимости и, соответственно, интереса к истории науки и культуры со стороны российского населения.

* * *

Как уже отмечалось, во всех странах результаты тестов, проводимых среди школьников и студентов, равно как и опросов населения в целом, свидетельствуют о формально очень низком уровне массовых исторических знаний. Однако нам кажется, что эти результаты следует интерпретировать с большой осторожностью. Действительно, если речь идет о конкретных датах, событиях и личностях, то соответствующие знания выглядят крайне скудными и примитивными, а их объем — весьма ограниченным. Но незнание исторической конкретики само по себе не может рассматриваться как свидетельство неинструментальности обыденных знаний о прошлом в целом. Тесты и опросы выявляют “конечные результаты” только одного типа: они дают информацию о систематизированных знаниях или знании фактов, но не позволяют судить, в какой мере усвоенные знания выполняют свою главную функцию — обеспечение ориентации во времени и в социальном пространстве.

Поясним свою мысль на примере естествознания. Подавляющая часть взрослого населения любой страны вряд ли сможет воспроизвести законы Ньютона, но при этом в современном обществе все понимают, почему брошенный камень падает на землю, а Земля не улетает от Солнца. Точно так же наличие общих представлений об электричестве и работе бытовых электроприборов не связано с точным знанием закона Ома. Это же относится и к массовым знаниям в области химии, биологии, медицины и т. д.

Иными словами, хотя после окончания школы большинство людей в современных обществах быстро забывают конкретные формулы, законы и т. д., полученные естественнонаучные знания позволяют в течение всей оставшейся жизни ориентироваться в физической реальности и понимать базовые принципы ее устройства в соответствии с относительно современными научными представлениями (хотя бы на уровне естествознания XIX — начала XX в.). Благодаря усвоенным знаниям значительная часть населения может воспринимать и некоторые более новые научные теории, популяризируемые печатными изданиями, а также телевидением и радио.

Гипотетически можно предположить, что такая же ситуация существует и в области массовых представлений о социальной реальности, в том числе и о прошлом. Незнание дат и конкретных исторических фактов вполне

может сосуществовать с наличием функциональных знаний об устройстве социального мира, его историческом развитии и, соответственно, о “времени-положении настоящего”. Если эта гипотеза верна, то отсюда следует гораздо большая, чем принято считать, познавательная значимость школьного общественно-научного образования в целом, и исторического — в частности.

Препринты ИГИТИ ГУ ВШЭ

Серия WP6 “Гуманитарные исследования ИГИТИ”

1. Савельева И.М., Полетаев А.В. Функции истории. Препринт WP6/2003/01. М.: ГУ ВШЭ, 2003.
2. Дубин Б.В. Семантика, риторика и социальные функции “прошлого”: к социологии советского и постсоветского исторического романа. Препринт WP6/2003/02. М.: ГУ ВШЭ, 2003.
3. Руткевич А.М. Психоаналитическое учение о символе и интерпретации. Препринт WP6/2003/03. М.: ГУ ВШЭ, 2003.
4. Андреев М.Л. Второе рождение нормативной поэтики. Препринт WP6/2003/04. М.: ГУ ВШЭ, 2003.
5. Самутина Н.В. Современное европейское кино и идея культуры (“прошло-го”). Препринт WP6/2003/05. М.: ГУ ВШЭ, 2003.
6. Савельева И.М., Полетаев А.В. История и интуиция: наследие романтиков. Препринт WP6/2003/06. М.: ГУ ВШЭ, 2003.
7. Репина Л.П. Культурная память и проблемы историописания (историогра-фические заметки). Препринт WP6/2003/07. М.: ГУ ВШЭ, 2003.
8. Никс Н.Н. “Велик и благороден труд профессора” (Жизнь и деятельность московской профессуры второй половины XIX — начала XX вв.). Препринт WP-6/2004/01. М.: ГУ ВШЭ, 2004.
9. Юревич А.В. Социогуманитарная наука в современной России: адаптация к социальному контексту. Препринт WP6/2004/02. М.: ГУ ВШЭ, 2004.
10. Андреев М.Л. Формы прошлого в классической европейской литературе. Препринт WP6/2004/03. М.: ГУ ВШЭ, 2004.
11. Фрумкина Р.М. Психолингвистика: что мы делаем, когда говорим и думаем. Препринт WP6/2004/04. М.: ГУ ВШЭ, 2004.
12. Филиппов А.Ф. Конструирование прошлого в процессе коммуникации: теоретическая логика социологического подхода. Препринт WP6/2004/05. М.: ГУ ВШЭ, 2004.
13. Руткевич А.М. Психоанализ и доктрина “исторической памяти”. Пре-принт WP6/2004/06. М.: ГУ ВШЭ, 2004.
14. Савельева И.М., Полетаев А.В. Социальные представления о прошлом: типы и механизмы формирования. Препринт WP6/2004/07. М.: ГУ ВШЭ, 2004.
15. Капелюшников Р.И. Деконструируя Поланьи (заметки на полях “Великой трансформации”). Препринт WP6/2005/01. М.: ГУ ВШЭ, 2005.

Препринт WP6/2005/02
Серия WP6
Гуманитарные исследования ИГИТИ

Редактор серии *И.М. Савельева*

Савельева Ирина Максимовна
Полетаев Андрей Владимирович

**Социальные представления о прошлом:
источники и репрезентации**

Публикуется в авторской редакции
Выпускающий редактор *А.В. Заиченко*
Технический редактор *Ю.Н. Петрина*

ЛР № 020832 от 15 октября 1993 г.
Отпечатано в типографии ГУ ВШЭ с представленного оригинал-макета.
Формат 60×84. Бумага офсетная. Тираж 150 экз. Уч.-изд. л. 3,78. Усл. печ. л. 3,03.
Заказ № . Изд. № 464.

ГУ ВШЭ. 125319, Москва, Кочновский проезд, 3
Типография ГУ ВШЭ. 125319, Москва, Кочновский проезд, 3